

Беллев А. Д. Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей семитовъ, хамитовъ и іафетитовъ въ деле религиозного развития этихъ трехъ группъ народовъ. [Взглядъ Ронтша на отношеніе религии семитовъ къ общему характеру ихъ; изложеніе и разборъ этого взгляда. Характеристика арийскихъ религии, которую делаетъ Ронтшид и наши критические замечанія на нее. Характеристика хамитовъ и ихъ религии, которую делаетъ Грау.] // Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцовъ 1881. Ч. 28. Кн. 4. С. 404—474 (1-я пагин.). (Окончание.)

Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ.

Взглядъ Ронтша на отношеніе религии Семитовъ къ общему характеру ихъ; изложеніе и разборъ этого взгляда.

Хотя Ронтшъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, принадлежитъ къ христіанско-теистическому направлению, и сочиненіе его, касающееся разсматриваемаго нами вопроса, имѣеть христіанско-апологетической характеръ; однако этотъ писатель имѣеть совершенно противоположный взглядъ на характеръ Семитовъ и Арийцевъ и на ихъ религію, нежели Грау. Онъ поставляетъ Семитовъ ниже Арийцевъ во всемъ, не исключая и религіи. Онъ говоритъ, что унижать натуральную религію Арийцевъ, какъ это дѣлалъ Грау, значитъ поставлять между религіей истинной и ложной, откровенной и естественной такую пропасть, чрезъ которую нельзя перебросить никакого моста, значитъ позабывать слова Тертулліана, что душа по природѣ христіанка, и слова Августина, что христіан-

* См. Приб. къ твор. Св. Отцевъ книги II и IV за 1881 г., I и II за 1881 г.

ство существовало прежде, нежели появилось название христіанъ. Съ другой стороны, по мнѣнію Рѣнанъ, Грау слишкомъ много придалъ значенія въ вѣрѣ и исторіи Израїля естественному фактору, т. е. семитическому характеру этого народа, приписавши особенностямъ семитической расы то, что собственно было дѣйствіемъ Божественного руководства. Грау былъ введенъ въ заблужденіе Рѣнаномъ; онъ долженъ былъ вовсе отвергнуть мнѣнія Рѣнана, а не исправлять ихъ. Дѣйствительно, соглашается Рѣнанъ, семитическая раса имѣеть особенный, ей одной принадлежащий, характеръ; религія этой расы также отличается особымъ характеромъ, но о семитическомъ монотеизмѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что такого монотеизма нѣть; есть только монотеизмъ Израильскій. Въ противоположность Грау, Рѣнану и Лассену Рѣнанъ говорить, что въ свѣтской культурѣ, особенно въ торговлѣ, промышленности и прочихъ собственно материальныхъ сторонахъ цивилизациіи, Семиты мало отстали отъ Арийцевъ и имѣли большое влияніе на послѣднихъ. Довольно, говорить онъ, ¹⁾ вспомнить обѣ изобрѣтеніи буквъ Финикиянами,—системы мѣръ и вѣса Вавилонянами, каковыя изобрѣтенія перешли отъ нихъ ко всѣмъ народамъ. Совершенно въ разрѣзъ указаннымъ писателямъ Рѣнанъ утверждаетъ, что именно въ религіи Семиты далеко отстали отъ Арийцевъ. Между тѣмъ какъ, говорить онъ, ²⁾ исторіей семитической культуры можно наполнить томы, материалъ семитической религіи можетъ быть помѣщенъ на одномъ листѣ. Если, добавляетъ онъ, признавать всѣ языческія религіи естественнымъ продуктомъ народнаго духа и самыми вѣрными отраженіемъ его, то непо-

¹⁾ Ueber Indogermanen- und Semitenthum S. 25

²⁾ A. a. o. S 252, 254.

натно, какимъ образомъ Грау и другіе, во всемъ уніжая Семитовъ предъ Арійцами, поставляютъ ихъ выше послѣднихъ только въ религії.

Роентшъ говоритъ, что ни исторія религії Арабовъ, ни религія Израиля не опровергаютъ его мнѣнія о религії Семитовъ. Что касается первыхъ, то, полагаетъ Роентшъ, до Мохаммеда у нихъ былъ политеизмъ, такъ какъ они служили звѣздамъ, идоламъ, камнямъ и проч. Сильное же религіозное движение, произведенное исламомъ, монотеизмъ, проповѣданный лжепророкомъ, не составляютъ продукта арабскаго семитизма. Исламъ былъ дѣломъ Мохаммеда, который, впрочемъ, имѣлъ въ этомъ многихъ предшественниковъ. На всѣхъ ихъ оказали сильное вліяніе христіанство и особенно іудейство, укоренившіяся въ Аравіи; такъ что можно сказать: нѣтъ Мохаммеда безъ Авраама и безъ Христа. Такимъ образомъ проповѣданная Мохаммедомъ и его предшественниками идея единобожія привнесена отвѣтъ, хотя она и нашла соприкосновенные пункты въ первоначальныхъ преданіяхъ Арабовъ.

Что касается до религії Израиля, то, по мнѣнію Роентша, она представляется тѣмъ необычайнѣе, чѣмъ ниже стоять Семиты въ дѣлѣ развитія своихъ натуральныхъ религій. Какъ же объяснить такое необычайное явленіе, какъ религія Израиля? Откуда произошелъ Израильскій монотеизмъ?

Сказавши о томъ, что на этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить, особенно натуралистамъ; согласившись съ Ренаномъ въ томъ, что еврейскій монотеизмъ не могъ быть продуктомъ рефлексіи и спекулятивнаго мышленія этого народа, такъ какъ послѣдній въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо ниже Грековъ и другихъ народовъ;— указавши, далѣе, на то, что Евреи не могли заимствовать монотеизма у Египтянъ чрезъ Моисея, (потому что если даже и согласиться съ

мнѣніемъ Бругша, что у „посвященныхъ“ въ Египтѣ была вѣра въ единаго Бога, Который, притомъ, назывался: *ник ри ник, Я есмъ, который есмъ*, слѣдовательно Іеговой, и если предположить, что въ числѣ посвященныхъ былъ и Моисей; то все таки это не доказываетъ, будто Евреи заимствовали монотеизмъ у Египтянъ, такъ какъ онъ ведеть у нихъ начало отъ Авраама, а не отъ Моисея); указавши, наконецъ, на постоянныя отпаденія Израиля отъ вѣры въ единаго Бога, на постоянно возникавшее стремленіе къ идолослуженію и на первоначальную исторію этого народа, въ которой были зародыши политеизма; — Рѣнтишъ во всемъ этомъ видѣтъ рѣшительное опроверженіе мнѣнія Ренана о монотеистическомъ инстинкѣ или естественномъ расположениі Семитовъ къ единобожію и за тѣмъ вѣру Израиля признаетъ неопосредственнымъ дѣйствіемъ Божіимъ (*unmittelbar göttliche That*), сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ Бога въ исторію этого народа. Монотеизмъ Израиля онъ считаетъ плодомъ Божественнаго откровенія (*göttliche Offenbarung*). Въ доказательство своего мнѣнія Рѣнтишъ ссылается на всю исторію Израиля, исторію священную, которая получаетъ свое начало съ Авраама, принявшаго Божественное откровеніе. Высказывая это мнѣніе, Рѣнтишъ совершенно сходится съ М. Мюллеромъ, подобно которому онъ необычайно возвышаетъ Авраама надъ всѣми прочими ветхозавѣтными святыми мужами.

Но почему же Богъ избралъ въ свой народъ именно Израиля? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Рѣнтишъ хочетъ видѣть въ словахъ Апостола Павла: *Богъ избралъ безумное мѣра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное мѣра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнанное мѣра и уничиженное и ничего незначащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значу-*

щее; для того, чтобы ни какая плоть не хвалилась предъ Богомъ (1 Кор. 1, 26—29). Это Божественный парадоксъ въ исторіи. Но допуская здѣсь абсолютно-свободную волю Божію, можно спрашивать и о причинѣ Божественного дѣйствія. Это вѣчный и въ наше время все болѣе и болѣе признаваемый законъ, что исторія природы и спасенія (Natur-und Heilsgeschichte) составляютъ органическое единство, и что Богъ, нигдѣ и никогда не дѣйствуя механически, повсюду исторію спасенія соединяетъ съ тѣмъ, что установлено Имъ въ твореніи. Поэтому, думаетъ Ронтшъ, должно сказать: недостатокъ Израиля былъ его преимуществомъ, его слабость была его силой. Тѣ особенности въ его семитическомъ характерѣ, которые сдѣлали его неспособнымъ занять высокое положеніе между народами, отличившимися во вѣнчайшей культурѣ, именно и дали ему возможность быть способнымъ носителемъ спасенія. Отличаясь субъективизмомъ, какъ и всѣ Семиты, Израиль былъ способенъ если не произвестъ изъ себя монотеизмъ, то хорошо себѣ усвоить его. Еще болѣе можно придать значенія тому, что Израиль, какъ семитической народъ, не имѣлъ эпоса: народъ безъ эпоса могъ быть народомъ священныхъ преданій. Сильная воспріимчивость Евреевъ, какъ народа семитического, и слабость творческой способности, на что указываетъ поразительное сходство, существующее между семитическими сагами и миѳами, дѣлали этотъ народъ способнымъ носителемъ и проводникомъ Божественныхъ мыслей. Гдѣ говоритъ Богъ, тамъ человѣкъ долженъ молчать. Для избранного народа Божія вовсе не требовались богатыя дарованія духа, не нужна была творческая способность; потому что онъ долженъ быть скорѣе слушать слова Бога, нежели самъ разсуждать о Немъ. Единственное назначеніе избранного народа

состояло въ томъ, чтобы съ неизмѣнною твердостію сохранять союзъ съ Богомъ, твердо стоять на почвѣ религіозной жизни. Быть славнымъ въ другихъ сферахъ, кромѣ религіи, не входило въ его задачу.— Вотъ какія особенности Евреевъ, какъ народа семитического, были, по мнѣнію Рѣнтиша, причиной того, что Богъ сдѣлалъ избраннымъ народомъ именно ихъ, а не какой либо иной народъ.

Нашъ разборъ изложенного мнѣнія Рѣнтиша долженъ быть кратокъ, потому что относительно большей части предметовъ, которые затрагиваетъ это мнѣніе, мы уже имѣли случай высказаться; къ сказанному нами осталось добавить немногое.

Чтобы правильно понимать взглядъ Рѣнтиша на значеніе расовыхъ особенностей Семитовъ и Арийцевъ, нужно знать, кого Рѣнтишъ называетъ Семитами и какую религію называетъ семитической. Финикиянъ онъ причисляетъ къ Семитамъ, между тѣмъ какъ они, по мнѣнію Грау, суть Хамиты. Вавилонянъ и Ассириянъ онъ называетъ Семитами, тогда какъ они суть смѣсь Хамитовъ и Семитовъ. Отсюда объясняется его неправильный взглядъ на характеръ Семитовъ и на ихъ религію. Онъ, напримѣръ, говорить, что Семиты мало отстали отъ Арийцевъ въ гражданственности, при чемъ ссылается на Финикиянъ, Вавилонянъ и Ассириянъ; но культура этихъ народовъ была хамитическая, а не семитическая. Хамиты первые сдѣлали успѣхи въ культурѣ, особенно материальной, и отъ нихъ заимствовали ее Семиты. Религію Финикиянъ, Вавилонянъ и Ассирийцевъ онъ называетъ семитической, между тѣмъ какъ она есть религія хамитическая. Какіе народы и какую культуру должно считать семитическими и хамитическими, обѣ этомъ у насъ была рѣчь прежде, и доказывать здѣсь неправильность взгляда Рѣнтиша на этотъ предметъ не за чѣмъ. Ука-

жемъ только на одно обстоятельство, которое обнаруживаетъ эту неправильность.

Нѣтъ сомнѣнія, что Арабы на своемъ уединенномъ, пустынномъ полуостровѣ лучше сохранили свой семитический характеръ, менѣе смѣшивались съ Хамитами, менѣе заимствовали чуждыхъ элементовъ, нежели народы Месопотаміи—Вавилоніе и Ассиріяне. Поэтому самобытный семитический характеръ легче открыть въ характерѣ Арабовъ, нежели въ характерѣ Вавилонянъ и Ассиріянъ. Но Ройншъ поступаетъ совсѣмъ наоборотъ. При оцѣнкѣ значенія и характера семитической культуры онъ принимаетъ въ разсчетъ только Финикиянъ, Вавилонянъ и Ассиріянъ и вовсе не упоминаетъ объ Арабахъ, также и о характерѣ семитического политеизма, въ отличіе его отъ арійскаго, онъ заключаетъ по религіи народовъ Месопотаміи и Финикиянъ; а о религіи Арабовъ хотя и говоритъ, но не объясняетъ причинъ различія ея отъ другихъ религій, признаваемыхъ имъ за семитическую, или и объясняетъ, но неправильно. Исчисляя успѣхи новѣйшей исторіографіи, онъ говоритъ, что до-исламовская Аравія не составляетъ болѣе загадки, и считаетъ несомнѣннымъ то, что Арабы до временъ Мохаммеда были политеистами. Но на самомъ дѣлѣ до-исламовская исторія Аравіи и теперь еще представляетъ много темного и загадочнаго, и какъ мы видѣли, множество фактовъ доказываютъ намъ, что покрайней мѣрѣ часть и даже большая часть Арабовъ до временъ Мохаммеда имѣли вѣру въ единаго Бога. Ройншъ ссылается на служеніе ихъ звѣздамъ, камнямъ, идоламъ и другимъ предметамъ, какъ на доказательство ихъ многобожія. Но мы уже видѣли, что это служеніе не препятствовало Арабамъ оставаться монотеистами, и Ройншъ не приводить ни одного основанія или факта, которые бы принуждали насъ измѣ-

нить нашъ взглядъ на служеніе Арабовъ звѣздамъ, камнямъ и проч. Напротивъ, иѣкоторые факты, въ которыхъ Рѣнтишъ видитъ указаніе на политеизмъ Арабовъ, могутъ быть истолкованы въ пользу нашего взгляда. По мнѣнію Рѣнтиша, существованіе политеизма у до-исламовскихъ Арабовъ доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что самъ Мухаммѣдъ одного своего сына назвалъ по имени идола *Абд-Маннефз* и что онъ принесъ овцу пепельного цвѣта въ жертву деревянному идолу *Al-Uzza*¹⁾). Но если принять во вниманіе, что Мухаммѣдъ проповѣдывалъ самый строгій монотеизмъ, то указанные факты совершенно необъяснимы съ точки зрѣнія Рѣнтиша. Если бы идолы были почитаемы Арабами за боговъ или были изображеніями боговъ, то указанными дѣйствіями Мухаммѣдъ далъ бы санкцію многобожію, чѣмъ вовсе не могло согласоваться съ его проповѣдью о единомъ Богѣ. Если же мы на арабскихъ идолахъ станемъ смотрѣть, какъ на изображенія существъ, высшихъ человѣка, чрезъ служеніе которымъ Арабы думали лучше угодить единому Аллаху; то будетъ понятно, что и Мухаммѣдъ могъ приносить жертвы идоламъ, не противорѣча своему ученію о единствѣ Божества.

Точно также неправиленъ взглядъ Рѣнтиша и на исламъ. Происхожденіе его у Арабовъ онъ объясняетъ вліяніемъ на нихъ іудейства и христіанства и не придаетъ въ этомъ отношеніи никакого значенія характеру Арабовъ. Мы, конечно, не отрицаемъ того, что іудейство и христіанство имѣли большое вліяніе на Мухаммѣда и тѣхъ предшественниковъ его, которые проповѣдывали единобожіе. Но, намъ кажется, нельзя объяснить происхожденіе ислама только од-

¹⁾ A. a. O. S. 235.

нимъ этимъ вліяніемъ. Самъ Рёнтшъ, противорѣча себѣ, говоритьъ, что идея единобожія нашла соприкосновенные пункты въ первоначальныхъ преданіяхъ Арабовъ.¹⁾ Здѣсь, конечно, Рёнтшъ намекаетъ на преданія о вѣрѣ Авраама въ единаго Бога, которыя Арабы сохраняли во всѣ времена. Но, сохранивъ и чрезвычайно уважая, какъ мы это показали, преданія обѣ Авраамѣ и его религіи, Арабы не могли сами не подражать его религіи. Какъ они могли бы сохранять преданія о единобожії своего родоначальника, и въ тоже время поклоняться многимъ богамъ? Какъ могли такъ долго сохраняться у нихъ эти преданія, если бы тому не благопріятствовалъ самій характеръ этого народа?

Что касается до мвѣнія Рёнтша о значеніи, какое имѣлъ семитический характеръ Израиля для единобожія этого народа, то и на этотъ предметъ взглядъ Рёнтша не вполнѣ правиленъ. Производя монотеизмъ Израиля единственno изъ откровенія, которое было отъ Бога Аврааму, Рёнтшъ упрекаетъ Грау за то, что онъ будто слишкомъ много придаетъ значенія въ дѣлѣ происхожденія и развитія монотеизма у Израиля естественному фактору, т. е. семитическому характеру Израиля. Однако и самъ Рёнтшъ, признавши ту истину, что исторія природы и исторія спасенія соединяются въ органическомъ единствѣ и что Богъ никогда не поступаетъ механически, находитъ себя вынужденнымъ признать нѣкоторое значеніе за естественнымъ факторомъ, когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ: почему же именно Израилю дано было Божественное откровеніе. Въ этомъ отношеніи взглядъ его отличается отъ взгляда Грау только тѣмъ, что онъ менѣе придаетъ значенія естественному факто-

¹⁾ A. a. O. S 246.

ру въ дѣлѣ Израильской религії, а Грау болѣе. Грау превозноситъ религіозность Семитовъ и почитаетъ ее одной изъ главныхъ причинъ того, что Израиль, какъ и прочіе Семиты, еще прежде изборанія его въ народъ Божій, имѣлъ болѣе чистыя понятія о Богѣ, нежели Арийцы и Хамиты, вслѣдствіе чего онъ и удостоился получить сверхъ-естественное откровеніе. Рѣнтиль, напротивъ, по отношенію къ естественной религіи и религіозности поставляетъ Израиля, какъ и всѣхъ Семитовъ, не только не выше, но даже ниже Арийцевъ, и потому онъ совершенно отрицаетъ то, чтобы естественная религія Семитовъ имѣла какое нибудь значеніе при избораніи Богомъ Израиля. Намъ кажется, что такое мнѣніе Рѣнтиша не совсѣмъ справедливо. Рѣнтиль признаетъ, что Авраамъ удостоился получить Божественныя откровенія и сдѣлаться родоначальникомъ избраннаго народа за свою личную вѣру. Но если допустить, согласно сть мнѣніемъ Рѣнтиша, что во времена Авраама Семиты стояли ниже Арийцевъ въ религіи, то въ такомъ случаѣ появленіе такой личности, какъ Авраамъ, въ средѣ Семитовъ, а не Арийцевъ, будетъ для насть непонятно. Кромѣ того, Семиты могли долѣе прочихъ народовъ и въ болѣшой чистотѣ сохранить первоначальный религіозныя преданія, первоначальные истинныя понятія о Богѣ, потому что самъ Рѣнтиль одной изъ отличительныхъ чертъ характера Семитовъ признаетъ то, что у нихъ преданія переходятъ изъ рода въ родъ почти безъ всякаго измѣненія, и эту особенность Семитовъ онъ считаетъ одной изъ причинъ, почему Израилю вручено откровеніе.

Но не усматривая въ естественной религіи Семитовъ никакой причины того, что сверхъ-естественное откровеніе вручено было Израилю, Рѣнтиль причину этого находить преимущественно въ отрицательныхъ

свойствахъ Семитовъ: недаровитости ихъ, слабости творческой способности, отсутствіи міѳологіи и эпоса и проч. Здѣсь мы соглашаемся съ Рѣншомъ, но должны его дополнить. Однѣхъ указываемыхъ имъ особенностей еще недовольно было для того, чтобы народомъ Божіимъ былъ сдѣланъ именно Израиль; потому что, кромѣ Израиля, много было и другихъ народовъ, которые были недаровиты, не имѣли эпоса и богатой фантазіи и которые отличались чрезвычайной неподвижностю и заботливостю о охраненіи въ неприкосновенности своихъ преданій. Таковы, напр. Китайцы. Такимъ образомъ Рѣншъ, считая необходимымъ разрѣшить вопросъ, почему Израилю вручено было Божественное откровеніе и взявшись за разрѣшеніе его, не даетъ полнаго отвѣта на него. Неполнота его отвѣта заключается въ томъ, что онъ не придаетъ никакого значенія религіозности Семитовъ и особенностямъ ихъ первоначальной религії, между тѣмъ какъ онъ были главными причинами того, что именно Израиль сдѣлался избраннымъ народомъ Божіимъ. Что указываемыя Рѣншомъ особенности въ характерѣ Израиля не могли служить достаточной причиной того, что Богъ именно этому народу далъ свое откровеніе, это хорошо обнаруживается изъ сущности самого откровенія. Если-бы откровеніе состояло только въ передачѣ Богомъ народу словъ и въ томъ, чтобы послѣдній сохранилъ ихъ неизмѣнными, то, пожалуй, для этого достаточно было бы восприимчивости духа и способности хранить долго преданія неизмѣнными вслѣдствіе недостатка творческой фантазіи. Но врученіемъ откровенія народу прежде всего предполагается въ послѣднемъ желаніе принять его и сохранить. И такъ какъ ветхозавѣтное откровеніе состояло не въ одной только передачѣ Божественныхъ словъ и отъ народа требовалось не одно

только безучастное храненіе мертвой буквы, письменіи, а состояло оно главнымъ образомъ въ жизненномъ и самомъ тѣсномъ отношеніи, въ союзѣ между Богомъ и человѣкомъ; то для принятія его требовалась крѣпкая вѣра въ Бога и въ Его слова и дѣйствія, сердечное расположеніе, любовь къ Богу, — однимъ словомъ, сильное религіозное чувство и болѣе или менѣе правильныя понятія о Богѣ. Точно также и сохраненіе откровенія состояло главнымъ образомъ не въ сбереженіи священныхъ книгъ, — это была только вицѣальная сторона дѣла, которая не могла существовать безъ внутренней, — а въ исполненіи предписанного и въ правильномъ пониманіи написанного въ нихъ. Только въ такомъ случаѣ откровеніе могло быть силой, проникавшей всю жизнь Израиля, воспитывавшей его характеръ, приближавшей его къ Богу, подготавливавшей его къ принятію Искупителя, въ чемъ и состояло главное назначеніе ветхозавѣтнаго откровенія. Поэтому слова Рѣнта, будто избранный народъ долженъ быть только слушать Бога, а не говорить и не разсуждать о Немъ, кажутся намъ односторонними. Конечно, Израиль долженъ быть слушать слова Божіи, но не для того, чтобы только записать ихъ въ книги и записанное не терять, а чтобы понимать ихъ, думать о нихъ, поучаться въ нихъ, исполнять ихъ, имѣть ихъ написанными въ своемъ сердцѣ. Для всего этого вовсе не было достаточно только тѣхъ свойствъ, которыя указалъ намъ Рѣншъ въ семитическомъ характерѣ Израиля.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что если Грау преувеличиваетъ значение естественного фактора для религіознаго развитія Израиля, слишкомъ идеально изображая естественный характеръ Израиля и приписывая ему то, что въ немъ было воспитано сверхъ естественнымъ воздействиемъ Божімъ; то Рѣншъ

несправедливо умаляетъ значение естественного характера Израиля, какъ народа семитического, для религии этого народа.

Характеристика арійскихъ религій, которую дѣлаетъ Рёнтшъ и наши критические замѣчанія на нее. ¹⁾

Грау въ своемъ сочиненіи занимается характеристикой Іафетитовъ на столько, на сколько это нужно для лучшаго изображенія характера Семитовъ; Іафетиты постоянно у него на второмъ планѣ и имѣютъ такое же значение, какое имѣютъ тѣни въ картинѣ. Рёнтшъ, считая это за недостатокъ сочиненія Грау, занимается преимущественно Арійцами. Между тѣмъ какъ Грау Арійцевъ по отношенію къ религии ставить ниже Семитовъ, Рёнтшъ доказываетъ, что естественные религіи Арійцевъ нравственнѣе и вообще выше натуральныхъ семитическихъ религій.

Сказавши о томъ, что Арійцевъ гораздо труднѣе характеризовать, нежели Семитовъ, по причинѣ ихъ многочисленности, широкораспространенности, разнообразія индивидуальныхъ чертъ въ каждомъ изъ многихъ народовъ этой расы и чрезвычайной способности ихъ къ перемѣнамъ и прогрессу, Рёнтишъ упрощаетъ свою задачу тѣмъ, что опредѣляетъ характеръ Арійцевъ по тремъ самымъ замѣчательнымъ народамъ этой расы—Индійцамъ, Грекамъ и Германцамъ, какъ главнымъ, по его мнѣнію, представителямъ и выразителямъ ея характера. Но такъ какъ характеръ этихъ народовъ измѣнялся въ продолженіи ихъ многовѣковой жизни, то нужно избрать такой моментъ въ

1) Мы будемъ дополнять ее некоторыми фактами и взглядами, которые мы находимъ у Гобино во второмъ томѣ его сочиненія: *Sur l'inégalité des races humaines*.

этой жизни, въ которомъ бы всего рѣзче выступали природныя особенности этихъ народовъ.

Съ первого раза можетъ показаться, что такой удобный моментъ для характеристики народа можетъ представлять время, когда народъ стоитъ на высотѣ своего развитія, когда его искусство, литература, жизнь политическая и соціальная, находятся въ зенитѣ, когда всѣ его природныя способности развились и обозначилось значеніе его во всемирной исторіи. Такимъ моментомъ въ исторіи Греціи былъ вѣкъ Перикла, въ Римской исторіи—вѣкъ Августа. Но такъ какъ высшая ступень цивилизациіи вовсе не совпадаетъ съ высшимъ развитіемъ нравственности и религіи, какъ свидѣтельствуетъ исторія,—въ золотые вѣка Перикла, Августа и Людовика XIV цвѣтъ цивилизациіи и образованія пышно разцвѣталъ на почвѣ нравственно-разлагавшейся жизни народа;—а между тѣмъ нравственный масштабъ есть самый пригодный для вѣрнаго и глубокаго познанія характера народа; то неудобно брать для опредѣленія характера народа эпоху блестящаго его развитія. Для такой цѣли она не пригодна еще и потому, что она наступаетъ послѣ того, какъ народъ прожилъ много вѣковъ, въ теченіи которыхъ онъ не могъ не заимствовать и не усвоить себѣ много чужаго; а отдатьить это привозившее чуждое отъ самороднаго не легко. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ въ вѣкъ цезарей истый Римлянинъ чувствовалъ себя совсѣмъ не дома.

Хотя гораздо труднѣе, но за то вѣрнѣе изслѣдовать характеръ народа въ тотъ моментъ, когда народъ только что выступилъ на поприще исторіи, когда онъ еще юношески-свѣжъ, когда его еще не коснулись чуждыя вліянія, когда онъ хотя еще не развитъ, но имѣетъ всѣ зачатки будущаго развитія. Столѣтіе тому назадъ о такомъ изслѣдованіи нечего бы-

ло и думать: оно было невозможно. Но теперь, при усъехахъ въ развитіи сравнительного языкознанія, доисторической археологіи и другихъ наукъ, для насть нѣсколько освѣщена не только начально-историческая, но и до-историческая жизнь народовъ. Особенно много сдѣлано этими науками для пониманія первобытной жизни Арійцевъ. Сравнительное языкознаніе доказало, что предки арійскихъ народовъ жили сначала въ одномъ мѣстѣ, имѣли общій языкъ и одинаковые религіозныя вѣрованія. На основаніи словъ, общихъ всѣмъ арійскимъ языкамъ, можно судить на какой степени стояла культура Арійцевъ, когда они жили всѣ вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ. У нихъ были тогда дома (*dama, domus, домъ*), орудія для обработыванія полей, засѣваніе хлѣба, по крайней мѣрѣ одного вида его, овса; были приручены многія животныя и птицы; твердо установилась семейная жизнь, потому что были слова для обозначенія всѣхъ главныхъ степеней не только родства, но и свойства; главнымъ занятіемъ было скотоводство, и даже самое имя царя заимствовано отъ имени пастыря; корова почиталась священнымъ животнымъ; первыя войны были изъ за обладанія стадами. Но такъ какъ Арійцы занимались и земледѣлемъ, то они не былиnomadami. На ряду со склонностію Арійцевъ къ переселеніямъ, которая совершилась по временамъ, у нихъ была наклонность и къ осѣдлой жизни; вмѣстѣ съ страстью къ войнѣ и геройству было стремленіе къ гражданственности.

Одинъ языкъ и одинаковые основы для культуры заставляютъ предполагать, что у Арійцевъ были и одинаковые религіозныя вѣрованія. Определить ихъ, конечно, труднѣе, и здѣсь нужна большая осторожность; однако и здѣсь первые шаги сдѣланы. Задача здѣсь состоять въ томъ, чтобы чрезъ сравненіе

всѣхъ арійскихъ миѳологій найти то, что принадлежитъ всѣмъ имъ, и чрезъ это опредѣлить общее основаніе религіозно-миѳическихъ воззрѣній всѣхъ Арійцевъ. Различаютъ три периода или формациіи въ образованіи миѳическихъ представлений Арійцевъ: Индійскій, заключающійся въ Ведахъ, болѣе ранній—Арійскій, когда Индійцы и Иранцы жили вмѣстѣ подъ общимъ именемъ Арійцевъ; самый древній индо-германскій, о которомъ можно только умозаключать на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ двухъ позднѣйшихъ периодовъ.

Въ Ведахъ боги называются и изображаются такъ, что ихъ нельзя не признать олицетвореніями силь природы. Имена отдельныхъ боговъ или Девовъ обнаруживаютъ первоначальный характеръ послѣднихъ. Здѣсь почитается *Аgni*—огонь, *Притиви*—широта, земля; *Діi*—блестящая твердь, *Варуна*—небесный сводъ; подъ различными именами призывается солнце, какъ *surya*, *Saritar*—рождающее, и какъ *pushan*—питающее; въ ведійскомъ пантеонѣ нашли свое мѣсто вѣтеръ, рѣка, гора, дерево и проч. Но это множество боговъ явилось не съ самаго начала: первоначальный религіозный воззрѣнія Арійцевъ были просты.¹⁾ Въ Ведахъ Варуна занимаетъ центральное мѣсто, имѣеть всеобщее значеніе и только послѣ дѣлается частнымъ богомъ воды. Онъ былъ одинъ изъ Адитіевъ. Эти Адитіи имѣютъ природу сверхчувственную, нравственную, они вѣчны и нетлѣнны, они живутъ въ небесномъ свѣтѣ, въ лучащемся эаирѣ, они

1) У Грау и М. Мюллера, какъ мы видѣли, достаточно сказано о томъ, что первоначальной религіей Іафетитовъ было зиотеизмъ; поэтому мы могли бы опустить разсужденія Ройтиша, близкія къ этому предмету. Но мы приводимъ ихъ потому, что Ройтишъ обратилъ вниманіе на то, что первоначальные боги Арійцевъ имѣли нравственный характеръ, чего не допускаетъ Грау, какъ и Ренанъ, и о чёмъ упоминаетъ М. Мюллерь.

отличны оть свѣтовыхъ явленій міра, они свободны оть всякаго несовершенства, для нихъ нѣтъ различія лѣваго и праваго, передняго и задняго, они не спятъ и проникаютъ все, какъ вездѣ присущій свѣтъ, они отвращаются оть грѣха и наказываютъ его; грѣхъ, соотвѣтствующій физическому мраку, противенъ ихъ существу, которое есть всецѣлая чистота и свѣтлость. Въ числѣ этихъ существъ, въ именахъ которыхъ лежитъ понятіе о сверхчувственномъ, стоитъ Варуна, въ ряду съ которымъ находится Митра; оба эти бога часто призываются вмѣстѣ. Можетъ быть подъ Митрой разумѣется свѣтъ дня, а подъ Варуной (Ураносъ) ночное небо. Въ лонѣ Варуны — все живущее; его, какъ самую крайнюю границу, трудно представить. Чрезъ него боги созерцаютъ временное и вѣчное. Несмотря на замѣтное нежеланіе поэтовъ, писателей Ведь, представлять это возвышенное божество антропоморфически, есть однако и конкретная воззрѣнія на него. Представляется, что при вставаніи утренней зари всходитъ онъ съ Митрой въ золотую колесницу, а когда исчезаетъ солнце — въ желѣзную. Въ физической жизни онъ есть виновникъ вѣчныхъ законовъ, которымъ подчиняется міръ, которыхъ не смѣеть нарушить ни одинъ богъ, ни одинъ смертный. Онъ призвалъ міръ къ бытію, показалъ звѣздамъ ихъ пути, установилъ свѣтъ и съ нимъ времена и даль каждому существу то, что сообщаетъ ему цѣну и достоинство: человѣку разумъ, лошади силу, коровѣ молоко. Его дыханіе вѣтеръ, его глазъ солнце. Нравственный законъ, которому подчиняется человѣкъ, тождественъ съ тѣмъ закономъ, который управляетъ жизнью природы. Такимъ образомъ Варуна имѣеть великое значеніе и въ нравственномъ мірѣ. Онъ охраняетъ то, что право, наказываетъ неправое. Болѣзнь и смерть называются „оковами Варуны“, которыми

онъ связывает тѣхъ, нога которыхъ преступила положенные предѣлы. Отъ него медленно, но вѣрно исходить смерть,—или какъ исполненіе вѣчнаго опредѣленія, полагающаго конецъ жизни всему конечно-му, или какъ наказаніе за вину, отъ которой не свободенъ никакой смертный. Его престолъ окружаютъ геніи, которые безпрекословно и неложно исполняютъ его повелѣнія и знаютъ о всякомъ преступлениі заповѣдей. Впрочемъ въ самыхъ Ведахъ замѣтно уменьшеніеуваженія къ этому возвышенному божеству, и впослѣдствіи его мѣсто занимаетъ болѣе чувственный и антропоморфический Индра.,

Такому пониманію боговъ соотвѣтствовало и самое религіозное чувство древнихъ Арийцевъ. Если съ одной стороны удивленіе предъ порядкомъ, никогда не колеблющимся и неизмѣняемымъ въ физической и нравственной жизни, побуждало ихъ неустанно восхвалять величие и великолѣпіе боговъ; то съ другой стороны ихъ сердце тоскливо билось при сознаніи своей виновности. Въ гимнахъ Ведъ часто выражается благоговѣніе, истинное и нелицемѣрное благочестіе, которое столь далеко отъ суетнаго самооправданія и надежды на собственные силы, что человѣкъ говорить: „о Варуна! безъ тебя я не властенъ и въ минутѣ“. Въ Ведахъ ясно выражается сознаніе человѣкомъ своей виновности и вѣра, что боги могутъ снять съ людей бремя ихъ грѣховъ. Варуна имѣеть состраданіе и къ грѣшникамъ. Часто въ Ведахъ слышимъ просьбу о земныхъ благахъ; но тамъ-же часто встрѣчается и просьба о прощеніи грѣха, обѣ оставленіи вины. Покаянная пѣснь языческаго міра или, лучше сказать, міра, который еще богатъ истинами первоначального Божественнаго откровенія, есть пѣснь обѣ умершихъ, гимнъ Варуни. Вотъ этотъ гимнъ.

„Не допусти насъ, о Варуна, войти въ домъ праха!
Смилийся, всемогущій, смилийся же!

„Я блуждаю, дрожа, какъ облако: смилийся, все-
могущій, смилийся же!

„Отъ недостатка силы, о сильный и свѣтоносный
богъ, я заблуждался: смилийся, всемогущій, смилий-
ся же!

„Если мы—люди постоянно, о Варуна, наносимъ
огорченіе небесному воинству, если мы по неразумію
всегда преступаемъ твой законъ, то не постыди насъ
ради этого грѣха“.

Если въ Ведахъ выражены столь чистыя нравствен-
ные понятія и такое глубокое религіозное чувство,
то нѣть ничего удивительного, что тамъ же высказа-
ны вѣра въ личное бессмертіе и сознаніе нравствен-
ной вмѣняемости человѣка. Кто даетъ милостыню,
говорится въ Ведахъ, тотъ идетъ въ самое высокое
мѣсто на небѣ, идетъ къ богамъ. У Индійцевъ суще-
ствовалъ кульпъ предковъ, который основывался, ко-
нечно, на убѣжденіи, что покойники проводятъ бла-
женнную жизнь въ общеніи съ богами. Поэть взы-
ваетъ: „о Сома, приведи меня туда, гдѣ довольство
и счастіе, восхищеніе и блаженное наслажденіе, гдѣ
удовлетвореніе желаній“. Въ Ведахъ можно замѣтить
также указаніе, хотя и не очень ясное на то, что
Индійцы имѣли вѣру въ существование мѣста, гдѣ
наказываются и мучатся злые послѣ ихъ смерти.

Здѣсь мы прервемъ изложеніе характеристики арій-
скихъ натуральныхъ религій, чтобы сдѣлать нѣсколько
замѣчаній на приведенные сейчасъ мысли Рѣншта.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что сознаніе
виновности предъ богами было присуще всѣмъ языч-
никамъ, въ частности всѣмъ Арійцамъ. Но это со-
знаніе ни у одного арійскаго народа не выражалось

такъ сильно, какъ у Индійцевъ, у которыхъ оно со-
ставляетъ отличительную черту ихъ религіознаго чув-
ства и налагаетъ особую печать на всю ихъ религію.
У прочихъ арійскихъ народовъ, напротивъ, было сильно
развито сознаніе своего достоинства, которое они про-
являли не только по отношению къ людямъ другихъ
расъ, но даже и въ отношеніи къ своимъ богамъ.
Титаны, отъ которыхъ, по греческимъ миѳамъ, про-
изошло послѣ-потопное человѣчество, въ представле-
ніи позднѣйшихъ Грековъ являются полубогами, имѣю-
щими выше-человѣческую природу. Титаны дерзали
бороться съ богами. Одинъ изъ нихъ, Прометей, по-
хитилъ у Зевса—громоверхца небесный огонь, и его
свободный, непреклонный духъ не изнемогъ въ му-
ченіяхъ и не подчинился богамъ, когда тѣло было
приковано къ оледенѣлой кавказской скалѣ и орелъ
клевалъ его внутренности. Не менѣе дерзкими пред-
ставляются и непосредственные потомки титановъ,
девкалиониды. Они смѣло сражаются съ сверхъесте-
ственными существами и олицетворенными силами
природы. Тезей заставляетъ дрожать Плутона на тронѣ;
Діомедъ ранить Венеру; Геркулесъ убиває священ-
ныхъ птицъ Стимфалидскаго озера, онъ душитъ испо-
линовъ, сыновей земли, и заставляетъ трепетать отъ
ужаса своды адскихъ зданій. Представленія подобнаго
характера мы находимъ также въ Шахъ-Наме и въ
скандинавскихъ сагахъ. Такія отношенія Арійцевъ къ
своимъ богамъ происходили, по мнѣнію Гобино, не
отъ недостатка религіозности, а отъ того что Арійцы
имѣли слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе ¹⁾), что они
никому не хотѣли уступать своихъ правъ, ни даже
богамъ, что свободомысліе ихъ и вольнолюбивость не
имѣли предѣловъ, что энергія ихъ духа и мужество

¹⁾ На это указываетъ и ихъ имя, которое они сами дали себѣ.

не знали никакихъ преграль, что у нихъ была страсть къ геройскимъ подвигамъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы и при этихъ свойствахъ Арійцы не могли имѣть сознанія своей виновности предъ богами, сознанія своей немощности, но во всякомъ случаѣ это сознаніе не могло быть сильно. Поэтому было бы неточнѣстю считать отличительной особенностью всѣхъ вообще арійскихъ религій то, что составляеть таковую особенность одной только религіи индійской, даже не всей вообще индійской религіи, которая въ теченіи вѣковъ подвергалась значительнымъ перемѣнамъ, а одной только религіи Ведъ.

Точно также представлениѣ о загробной жизни у прочихъ арійскихъ народовъ далеко не были такъ развиты и не имѣли такого вліянія на жизнь, какъ у Индійцевъ. У послѣднихъ представлениѣ о загробной жизни имѣло громадное вліяніе на ихъ земную жизнь; оно доводило ихъ терпѣніе въ перенесеніи всевозможныхъ страданій почти до нечеловѣческихъ размѣровъ. Индіецъ такъ безразлично относится къ временной жизни, что кажется, онъ живеть только для того, чтобы умереть. Индіецъ всѣмъ духомъ направленъ къ будущей жизни. Отъ чего у индійцевъ такъ сильна вѣра въ загробную жизнь и почему она имѣеть столь важное значеніе въ ихъ временной жизни? Гобино говоритъ¹⁾, что сила того счастливаго расположениѣ, по которому человѣкъ презираетъ ужасы настоящей жизни, надѣясь на получение наградъ въ будущей, прямо пропорціональна количеству арійской крови, текущей въ жилахъ извѣстнаго народа. Но эти слова не только неопределены, но и положительно несправедливы. Греки, питая презрѣніе къ прочимъ народамъ, какъ варварамъ, конечно, не

¹⁾ Ibid. t. 2. p. 203, 204.

смѣшивались съ ними, и самый типъ лица показываетъ что въ ихъ жилахъ текла чистая арійская кровь; а между тѣмъ у нихъ представлениа о загробной жизни далеко не были такъ развиты и не имѣли такого значенія въ жизни, какъ у Индійцевъ. Намъ кажется, что природа Индіи, хотя и благодатная и безъ труда со стороны человѣка дававшая ему пропитаніе, но въ тоже время поставлявшая на каждомъ шагу опасности для его жизни и подавлявшая его самодѣятельность, могла воспитать въ Индійцѣ пессимистической взглядъ на настоящую жизнь и всѣ желанія его и надежды направить къ будущей жизни.

О содержаніи и характерѣ арійской религіи двухъ періодовъ, предшествовавшихъ періоду Ведъ, Ронтишъ говоритъ очень мало. Онъ упоминаетъ только о трехъ миѳахъ, которые встрѣчаются у всѣхъ арійскихъ народовъ и которые поэтому нужно признать самыми древними, и указываетъ на то, что и въ самыхъ раннихъ періодахъ можно найти слѣды нравственныхъ понятій и глубокихъ религіозныхъ идей.

Въ заключеніе своего изслѣдованія о первобытной религіи Арійцевъ Ронтишъ говоритъ¹⁾, что въ ней можно замѣтить зародыши позднѣйшаго богатаго развитія этихъ народовъ. Особенно большое значеніе для этого развитія онъ придаетъ тремъ идеямъ, которыя онъ находитъ въ первобытной религіи этихъ народовъ. Эти идеи суть: 1) идея о существованіи нравственного міроваго порядка; въ ней коренится вся иєника Арійцевъ, и она есть источникъ и норма ихъ нравственности. 2) Идея борьбы добра со зломъ, основная религіозная идея; эта идея примыкаетъ къ идеѣ борьбы физического свѣта со тьмой. эту идею можно назвать носительницей всѣхъ глубокихъ рели-

¹⁾ Ueber Indogermanen-und Semitenthum. S. 37.

гіозныхъ мыслей Арійцевъ, и съ нею соединяется представлениe о сущности Божества. Въ этомъ смыслѣ религіей свѣта можно назвать не Иранскую только, но и религию всѣхъ Арійцевъ. 3) Идея по преимуществу практическая — идея о личномъ бессмертіи. Объ этой послѣдней идеѣ мы сказали достаточно; о второй намъ придется говорить при изложениi отличительныхъ особенностей арійскаго политеизма; о первой скажемъ теперь.

Считая семитический (собственно хамитический) политеизмъ чистымъ натурализмомъ, не находя нравственныхъ чертъ въ семитическихъ богахъ, Ройншъ совсѣмъ иное мнѣніе имѣть о политеизмѣ арійскомъ: въ немъ, по его мнѣнію, обоготвореннымъ силамъ природы приданъ характеръ нравственныхъ силь. Откуда въ арійскомъ политеизмѣ такая особенность? Въ чемъ лежитъ причина нравственной чистоты религій Арійцевъ? По мнѣнію Ройнша, эта причина заключается въ представлениi ихъ о нравственномъ міровомъ порядкѣ, которое было свойственно имъ съ самого начала. На вопросъ, въ чемъ коренится это представлениe, Ройншъ отвѣтываетъ: въ совѣсти. Хотя этотъ отвѣтъ и справедливъ, но онъ не конкретенъ и въ данномъ случаѣ не удовлетворителенъ. Самъ же Ройншъ говоритъ, что источникъ совѣсти есть не рефлексія, — потому что наименѣе склонный къ рефлексіи вѣкъ героической былъ чистъ нравственно, съ пробужденiemъ же философскаго сознанія кончилось цвѣтущее время патріархальной нравственности, — а Богъ, вложившій не писанные законы въ сердце человека. Но вѣдь эти законы написаны въ сердцѣ не однихъ Арійцевъ, но и Семитовъ. Въ чемъ же заключается причина того, что первые имѣли идею о нравственномъ міровомъ порядкѣ, а послѣдніе будто

бы ея не имѣли, что религіи первыхъ носили отпечатокъ нравственности, а религіи послѣднихъ отличались грубымъ натурализмомъ? Очевидно, что Рѣнтишъ этой причины не указываетъ. Замѣтимъ еще, что какъ Грау пристрастно унижаетъ достоинство арійскихъ религій и нравственности, такъ, напротивъ, Рѣнтишъ слишкомъ преувеличиваетъ это достоинство.

Сказавши объ источникѣ нравственности Арійцевъ, Рѣнтишъ даетъ намъ характеристику арійскихъ боговъ съ нравственной стороны. Вотъ эта характеристика въ общихъ чертахъ.

Боги, по представлению Арійцевъ, не творили міра и человѣка, а сами произошли при образованіи вселенной; но они имѣютъ влияніе на людей. Хотя обѣ идеи промысла у Арійцевъ не было и рѣчи до временъ Платона и стоиковъ, но боги Арійцевъ заботятся о сохраненіи нравственного порядка въ мірѣ. По мнѣнію Арійца существованіе боговъ представляеть прочную гарантію нерушимости нравственного порядка въ мірѣ. Это самое высокое, до чего дошелъ Аріецъ. Онъ много этого пріобрѣлъ для своего нравственного сознанія. Твердые, первоначальные и святые законы, на которыхъ, какъ на гранитныхъ скалахъ, утверждается міръ, называются „положеніями“ (*θέμιστες*). Они суть изобрѣтеніе и даръ боговъ; въ нихъ всего совершилнѣе открывается мудрость послѣднихъ. Эти законы человѣкъ носить въ своей совѣсти. Въ представлении Германцевъ и Грековъ боги являются, какъ міраподдерживающія силы, какъ связи, скрѣпляющія міръ. Если эти связи порвутся, тогда настанетъ конецъ земли. Всѣ отношения жизни, въ которыхъ проявляются тѣ „положенія“ святы, стоять подъ охраной боговъ, и нарушить ихъ не можетъ даже какойнибудь изъ боговъ. Дѣло боговъ охранять свои положенія и заботиться о томъ, чтобы

никто не нарушилъ условливаемаго этими положеніями порядка. Религіозная нравственность Арійцевъ хорошо выражается въ ихъ уваженіи къ клятвѣ, которая называется божественнымъ закономъ, которую охраняютъ боги, награждая за сохраненіе ея и наказывая за нарушеніе. Свою ревностію въ охраненіи нравственного міроваго порядка и въ особенности клятвы боги неопровержимо свидѣтельствуютъ о своемъ существованіи. Частое нарушеніе клятвы, по представлению Германцевъ, есть предвѣстіе конца міра. Со всей энергией сознаніе нравственного мірового порядка и его ненарушимости выражается въ представлении объ Эринніяхъ. Онъ страшны не только для людей, но и для боговъ. Самы будучи порождениями безбожія, онъ дѣлаются неумолимыми мстительницами всякаго преступленія. Посль онъ являются исполнительницами воли Зевса, какъ главнаго судьи боговъ и людей, отъ которого получаютъ право суда и другіе боги. Праведное воздаяніе было свидѣтельствомъ существованія боговъ. Греки вѣрили и въ существованіе особаго мыста, гдѣ будуть страдать преступники. Мысль о наказующей правдѣ боговъ была такъ сильна, что она отодвигала на задній планъ мысль о милости. Милость являлась чѣмъ-то произвольнымъ. Любви въ собственномъ смыслѣ боги не имѣютъ. Ихъ любовь сводится къ естественной необходимости, когда, напримѣръ, Димитра, какъ символъ питающей земли, должна давать хлѣбъ людямъ. Если же какой нибудь богъ имѣлъ любовь къ тому или другому лицу, то это была пристрастная любовь. Хотя боги имѣютъ состраданіе и выслушиваютъ прошенія людей, но послѣдніе не имѣютъ обезпечения въ томъ, что ихъ просьба будетъ услышана. Боги завидуютъ людямъ. Поэтому человѣкъ въ счастіи дрожалъ отъ страха, какъ бы тотъ или иной богъ

не отнялъ его счастія. Вообщѣ боги не святы и, подобно людямъ, нуждаются въ нравственномъ очищении, которое настанетъ при концѣ міра.

Такъ какъ нравственность есть исполненіе законовъ боговъ, то грѣхъ состоить въ нарушеніи этихъ законовъ, грѣхъ поэтому есть своеволіе, беззаконіе, постановленіе своего я на мѣсто воли боговъ, есть эгоизмъ. Самый большой грѣхъ есть возстаніе противъ боговъ. Такимъ образомъ Ариецъ глубоко понималъ сущность грѣха и по крайней мѣрѣ нѣсколько приближался къ христіанскому пониманію его.

Нельзя не замѣтить, что въ эту характеристику арийскихъ боевъ съ нравственной стороны Рѣнтишъ постарался включить всѣ свѣтлыя черты, умолчавши о томъ, что поэты, напр. Гезіодъ и Гомеръ, которые, несомнѣнно, были выразителями народныхъ религіозныхъ вѣрованій, приписывали богамъ ужасныя злодѣянія, какъ-то смертоубійство, прелюбодѣяніе и и проч. Впрочемъ Рѣнтишъ въ концѣ концовъ самъ сравниваетъ Арийцевъ съ блуднымъ сыномъ. Говорить, что ихъ не могли спасти богатыя естественные дарованія отъ нравственной порчи; и нравственность и религія ихъ потеряли силу; и поэтому Арийцы должны возвратиться въ отцовскій домъ и пользоваться наставлениами отца, т. е. принять ту религію и то нравственное ученіе, которыя заключаются въ Божественномъ откровеніи. Рѣнтишъ не отвергаетъ и того, что нравственною чистотою и относительной святостью своей религіи первобытные Арийцы были обязаны не однѣмъ своимъ естественнымъ силамъ, но и первобытному откровенію. Такимъ образомъ Рѣнтишъ стоитъ за ту мысль, которую мы постоянно проводили въ своемъ сочиненіи, мысль, что естественной нравственности и естественной религіи недостаточно для человѣка или народа, какъ бы ни были свѣтлы

взгляды того и другого, какъ бы ни были велики ихъ естественные дарованія и какъ бы широко и богато они ни развивались.

Охарактеризовавши субъективную сторону религії Арійцевъ, Ронтишъ пытается опредѣлить тѣ черты, которыя отличаютъ арійскій политеизмъ отъ политеизма, названного имъ семитическимъ. По его мнѣнію, опредѣлить отличие арійского политеизма отъ семитического довольно трудно, такъ какъ въ арійской міеологии, особенно въ греческую, очень многое вошло элементовъ семитическихъ и выдѣлить эти элементы трудно. Впрочемъ ему удалось опредѣлить нѣкоторыя болѣе важныя особенности арійского политеизма въ отличіе отъ семитического. Семитический политеизмъ, по его мнѣнію, гораздо бѣднѣе, безцвѣтнѣе политеизма арійского. Выраженіе этой бѣдности, неразвитости семитического политеизма Ронтишъ находитъ въ томъ, что у Семитовъ, вслѣдствіе отсутствія способности къ творчеству, число боговъ и міеологическихъ идей ограничено; а вслѣдствіе субъективизма они не могли внести систематизацію въ миръ боговъ.

Во всемъ этомъ Арійцы составляютъ противоположность Семитамъ. Книги обѣ одной греческой міеологии могутъ составить значительную библіотеку. Арійцы съ чуткостію къ природѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, съ чрезвычайною тонкостію наблюдательной способности соединяютъ глубину мыслей, живость и плодовитость фантазіи, способность раздѣлять и объединять, приводить въ органическую связь и систему. Для Арійца живеть вся природа, и онъ обогаляетъ ее. Каждое явленіе природы отражается въ его духѣ, какъ нѣчто божественное, и получаетъ отъ творческой фантазіи образъ и форму. Въ облакѣ Грекъ видѣть то доящуюся корову, то бодающаго барана,

то прыгающую козу, или пасущагося ягненка. Зевсъ несетъ страшную эгиду, грозовое облако, и посылаетъ разрушительную громовую стрѣлу, блистающую молнию. Разноцвѣтная радуга становится чудеснымъ дитятей быстроногой вѣстницы боговъ Ириды. Даже бурные вѣтры принимаютъ конкретный образъ: въ своемъ жилищѣ, пещерахъ суповой Фракіи, проводить они разгульную жизнь и, по знаку своего господина, въ дикомъ полетѣ вырываются наружу. Каждое дерево и рощу, каждую долину и горную вершину, каждый гротъ и источникъ, каждую рѣку и ручей, Грекъ, общѣе Ариецъ, обоготовляетъ, воздавая имъ почитаніе молитвой, жертвами, вѣнцами, цвѣтами, населяя ихъ фантастическими существами—Фавнами, Сатирами, Нимфами, Наядами, Дріадами, Панами. Какъ небо и земля; такъ и море, этотъ Протей, для Арийца представляется оживленнымъ и населеннымъ. На его берегахъ при лунномъ свѣтѣ прекрасны морскія дѣвы водять свои восхитительные хороводы. По его вздымющимся волнамъ широкоплечій Посейдонъ быстро гонить покрытыхъ пѣною коней, отъ чего трясутся прибрежныя страны. Свиту его образуютъ Тритоны съ головою, обвитой тростникомъ. Сирены завлекаютъ корабли во влажную пропасть своими ча-рующими пѣснями. Въ фантазіи Арийца оживлены и ясно-голубое, и черное, непогодное небо, — зеркально гладкое, и взволнованное, разбушевавшееся море Но ни одно явленіе природы не производить такого сильнаго впечатлѣнія, какъ гроза, величественнѣйшее изъ явленій природы. Поэтому она дѣлается источникомъ цѣлаго ряда миѳическихъ представлений. Всѣ саги о ниспаденіи внизъ огня и напитка боговъ въ основаніи своемъ имѣютъ представление о грозѣ. Основная, таъ или иначе видоизмѣняемая, миѳологическая мысль касательно грозы есть слѣдующая. Богъ побѣждаетъ

демона, который похитилъ у него коровъ, и выводить ихъ изъ пещеры, куда онъ были скрыты. Въ этомъ миѣѣъ богъ есть свѣтлое, голубое небо, демонъ грозовое облако, коровы—собравшаяся въ воздухѣ вода, которая задерживается облаками, массы облаковъ разрѣзаются молніей и тогда изъ нихъ безпрепятственно изливается плодотворный дождь.—На ряду съ грозой важнѣйшую роль въ миѳологии древнихъ Арийцевъ играетъ солнце, какъ носитель и источникъ свѣта и теплоты.

Если въ самыхъ древнихъ арийскихъ миѳахъ многое для нась кажется темнымъ и загадочнымъ, то болѣе твердую почву мы имѣемъ при разсмотрѣніи позднѣйшихъ, развитыхъ миѳологическихъ системъ отдельныхъ арийскихъ народовъ. Хотя и здѣсь миѳы сначала представляются іероглифами, но при ближайшемъ разсмотрѣніи можно разгадать ихъ. Миѳъ есть зеркало, которое отражаетъ въ сознаніи народа великую жизнь природы съ ея борющими силаами. Миѳы по ихъ идеямъ можно раздѣлить на группы.

Первую группу образуютъ тѣ миѳы, которые рассказываютъ о происхожденіи боговъ и о борьбѣ ихъ съ титанами и гигантами; это миѳы теогонического и космогонического содержанія. Здѣсь подчиненные силы природы борются съ подчиняющими.

Вторая группа миѳовъ относится къ существующему миру. Почти необозримъ рядъ миѳовъ, въ которыхъ выражаются противоположности: происхожденіе и исчезновеніе, разцвѣтаніе и увяданіе, весна и осень, лѣто и зима и соединенные съ ними моменты культурной жизни—сѣяніе и жатва. Этотъ цикль миѳовъ своимъ многообразіемъ и широтой выражаетъ разнообразіе жизни природы. Таяніе снѣга отъ дыханія весеннихъ вѣтерковъ, возрастающая сила солнечной теплоты, распускание цвѣтовъ и деревьевъ, пѣ-

сни птичекъ, однимъ словомъ, земная жизнь во всемъ ея необъятномъ разнообразіи; затѣмъ соотвѣтствующая этому противоположность—постепенное замираніе жизни, когда цветы блѣкнутъ и листья съ шуршаніемъ падаютъ на землю: все это производить глубокое впечатліе на человѣка, доставляя ему въ первомъ случаѣ радость, во второмъ скуку и печаль. Въ этихъ миѳахъ Востокъ и Западъ близко сходятся, и особенно въ греческую миѳологію здѣсь многое вошло восточныхъ и семитическихъ элементовъ. Вспомнимъ о культурахъ Афродиты, Цибелы, Діониса и объ относящихся сюда басняхъ о прекрасныхъ юношахъ: Адонисѣ, Линосѣ, Гіакинеѣ и проч., любимцахъ Афродиты, Реи и Цибелы. Это юноши, погибшіе въ цѣлѣтъ лѣтъ и красоты, растерзанные дикимъ кабаномъ, убитые въ игрѣ дискомъ, или сами себя изуродовавши. Когда Афродита и Персефонѣ спорятъ изъ за областія прекраснымъ Адонисомъ, тогда Зевсъ решаетъ, что онъ у каждой богини долженъ оставаться по полугоду. Смыслъ Миѳа тотъ, что въ теченіи одной части года развивается и разцвѣтаетъ растительность, а также воскресаетъ и усиливается и животная жизнь; въ теченіи же другой части года и та и другая жизнь или совсѣмъ умираетъ или по крайней мѣрѣ оぢненѣваетъ, чтобы вновь воскреснуть весной. Подобные же миѳы мы находимъ у Германцевъ.

Третью группу миѳовъ можно назвать самой важной, по содержанию идей самой глубокой и величественной; поэтому она занимаетъ центральное мѣсто въ миѳологии. Здѣсь свѣтъ и тьма составляютъ полюсы, около которыхъ все вращается. Основаніемъ этого рода миѳовъ служатъ совершающіяся въ природѣ суточныя и годовыя перемѣны свѣта и тьмы¹⁾. Но

¹⁾ Гобино съѣдущемъ образомъ объясняетъ то, что у Арійцевъ глав-

едва ли есть чтонибудь другое въ природѣ, чтобы такъ сильно оживляло и возбуждало душу, какъ свѣтъ, или такъ сильно стѣсняло и подавляло ее, какъ тьма. Поэтому свѣтъ и тьма составляютъ такія явленія, съ которыми легко было связать чисто нравственный представлени. Уже у древнихъ Индійцевъ свѣтъ имѣлъ значение среды, чрезъ которую открывается Божество. Чисто натуралистическое представление о свѣтѣ и тьмѣ мы находимъ, напримѣръ, въ греческой сагѣ о Гермесѣ. Гермесъ, богъ ночной тьмы и утреннихъ сумерекъ, похищаетъ у своего брата Аполлона быковъ и прячетъ ихъ въ пещеру, изъ которой Аполлонъ ихъ опять уводитъ каждое утро. При нравственномъ пониманіи свѣта и тьмы основная мысль этого миѳа есть та, что они борются между собою, при чемъ сначала свѣтъ побѣждается тьмой, но потомъ выходитъ побѣдителемъ. Эта мысль о борьбѣ имѣетъ свое основаніе въ постепенныхъ перемѣнахъ свѣта и тьмы, которые совершаются въ разныя времена сутокъ и года. Божества свѣта изъ всѣхъ арійскихъ боговъ суть нравственно-возвышеннѣйшія и прекраснѣйшія. Таковы у Грековъ, кромѣ Зевса, Аполлона, Артемида, Аѳина; у Германцевъ — Одинъ, Бальдуръ и Фрейя; у Индійцевъ — Индра съ родственными ему

ними божествами были боги свѣта. Первобытные Арійцы, отличавшіеся красотой лица и высоко думавшіе о своихъ душевыхъ и тѣлесныхъ качествахъ, могли признать своими богами только такія существа, которыхъ обладали бы всѣми совершенствами. Между тѣмъ Арійцы не находили ничего совершеннѣе себя ни на небѣ, ни на землѣ, кроме свѣтла, который представлялся имъ источникомъ красоты и жизни, поэтому то они думали, что боги имѣютъ свѣтоносную природу, и произвели самое имя божества отъ слова *Diw*, освящать, блестать. Слова этого корня съ означеніемъ божества были у всѣхъ арійскихъ народовъ. Напр., у Индійцевъ *Djaus*, *Dewa*, у Грековъ *Zeus*, *Theta*, у Литовцевъ *Diewas*, у Галловъ *Duz*, у ирландскихъ Кельтовъ *Dia*, въ Эddѣ Туг, у сѣверныхъ Германцевъ *Zio*, у Славянъ *Dewana*, Римлянъ *Diana*, *Deus*. См. *Sur l'inégalité des races humaines*. Т 2. р. 122.

богами. Аполлонъ, какъ божество свѣта по преимуществу, рожденный и живущій въ свѣтѣ, есть возвышенѣйшій образъ греческой религіи. Свое величие, строгость и достоинство онъ удерживаетъ какъ въ любви, такъ и въ ненависти. Близко къ Аполлону стоитъ его сестра Аѣна, рожденная съ нимъ отъ одной матери—Леты, т. е. ночи. Такъ же ей, какъ представительницѣ дѣвственno-чистаго небеснаго зеира, свойственны строгое достоинство и величие нравственной чистоты. Точно также и Артемида, какъ богиня луны, слѣдовательно какъ богиня свѣта, сокрѣпляла характеръ дѣвственной нравственности и потому она, подъ именемъ Эвклей, была охранительницей доброй славы. При характеристицѣ Аполлона невольно возникаетъ въ нашемъ сознаніи германское божество свѣта Бальдуръ, это прекраснѣйшее произведеніе германской миѳологіи. О немъ можно сказать только доброе; онъ лучшій изъ всѣхъ боговъ и его только хвалить; онъ такъ прекрасенъ лицемъ и такъ свѣтозаренъ, что отъ него исходитъ сияніе; онъ самый краснорѣчивый, самый мудрый и кроткій изъ боговъ: онъ имѣть то свойство, что никто не можетъ охуждать его сужденія; онъ заселяеть ту часть неба, которая называется „многоблестящею“ и въ которой не можетъ быть терпимо ничто нечистое.

Божества свѣта важны какъ сами по себѣ, такъ и по своимъ дѣйствіямъ. Аполлонъ, какъ врагъ всячаго зла, убиваетъ стрѣлами своего лука дракона Ниенона, который есть символъ тьмы въ физическомъ и нравственномъ значеніи. Эта борьба глубоко напечатлѣлась въ народномъ сознаніи, потому что въ воспоминаніе о ней праздновали въ Дельфахъ пиѳийскія игры, какъ национальное торжество. Какъ побѣдителя ночной тьмы, Аполлона привѣтствовали каж-

дое утро, при новолунії и въ новый годъ, когда онъ при хвалебныхъ пѣсняхъ вступалъ въ страну. Эта борьба греческаго божества свѣта съ Пиенономъ напоминаетъ о Зигфридѣ и борьбѣ его съ дракономъ. Также и Бальдура, хотя онъ и отличается кротостю, нужно назвать богомъ борьбы. Боги, испуганные сновидѣніемъ, въ которомъ возвѣщалось о смерти Бальдура, берутъ клятву отъ всѣхъ стихій, гадовъ, металловъ, деревьевъ и проч., что они будутъ щадить Бальдура; только не взяли клятвы отъ омелы (вѣчно-зеленое растеніе), потому что она была слишкомъ молода. Повидимому Бальдуру ни что не могло повредить. Тогда Локи подаетъ вѣтку омелы слѣпому Гѣдуру и показываетъ направлѣніе, въ которомъ онъ долженъ быть пустить ее Гѣдуръ бросаетъ ее и произрастаетъ Бальдура. Это было величайшимъ несчастіемъ, которое постигло боговъ и людей. По смыслу миѳа Бальдура, какъ божество свѣта, неуязвимъ. Локи, олицетвореніе зимиаго мрака, представляется началомъ всякаго зла и всякаго несчастія: онъ побѣждаетъ Бальдура только при помощи невиннаго Гѣдуря. Гѣдуръ—другъ Бальдура и вмѣстѣ съ нимъ будетъ находиться въ обновленномъ мірѣ. послѣ того какъ старый сгоритъ, а Локи будетъ оттуда выгнанъ. Вѣчно-зеленая омела есть символъ зимы.—Въ этомъ миѳѣ открывается не только нравственное, но и пророческое воззрѣніе. Смерть Бальдура есть средоточіе великой драмы, состоящей изъ несчастій міра и боговъ, изъ борьбы тьмы противъ свѣта, зла противъ добра, борьбы, которая съ концемъ міра окончится наказаніемъ Локи, т. е. побѣдою добра надъ зломъ. Значеніе миѳа отъ тѣсныхъ предѣловъ года переносится на великий годъ міра.

Такимъ образомъ въ арійскихъ миѳологіяхъ мы находимъ полноту идей, которая можно раздѣлить на

три группы, смотря потому, решалась ли въ нихъ проблемма созданія міра (теогонические и космогонические миоы), или онъ изображали существующую жизнь природы, въ особенности суточныя и годовыя смены свѣта и тьмы, или, получая высшее, нравственное значеніе, онъ изображали свѣтъ и тьму, какъ борьбу двухъ нравственно-различныхъ силъ. Между тѣмъ какъ у Семитовъ всѣ миоы вращаются около одной идеи,— идеи жизни природы, то замирающей, то опять воскресающей; арійскія миоологии, напротивъ, представляютъ чрезвычайное богатство идеи. Правда и здѣсь принципъ возникновенія и изчезновенія жизни даетъ широкую рамку для пестраго міра миоологическихъ образовъ, но этотъ принципъ понимается здѣсь шире и кромѣ того раскрываются другія стороны природы и духа. У Арійцевъ, въ особенности у Грековъ, были обоготовлены не только всѣ сколько нибудь важные предметы и явленія природы, но и отвлеченные идеи. Напр., у Грековъ была обоготовлена идея судьбы, идея наказывающей правды.

Другую отличительную черту арійскихъ религій и миоологій отъ семитическихъ Ройтишъ находитъ въ томъ, что Семиты не внесли въ свои религіи системы, потому что у нихъ нѣть организаторской способности; а Арійцы, благодаря своему стремленію все приводить въ порядокъ, создали сложныя и въ то же время стройныя религіозныя системы. Эта наклонность арійского духа къ систематизаціи особенно сильно выразилась въ религіи Грековъ. Міръ ихъ боговъ представляется гармоническое цѣлое. Онъ какъ бы теряетъ характеръ политеистической раздробленности и представляется прекраснымъ отображеніемъ единства космоса. Образцомъ для приведенія боговъ въ систему служила сначала самая простая и обыденная форма общественной жизни—семья. Но уже

довольно рано, еще у Гомера Олимпъ является устроен
нымъ государствомъ съ царемъ, совѣтомъ боговъ и
прочими принадлежностями государственной жизни.
Изъ прочихъ арійскихъ народовъ Нѣмцы хотя и у-
ступали Грекамъ въ способности къ созданію системе-
матически-стройной миѳологии, однако и у нихъ міръ
боговъ представлялъ нечто цѣлостное; напр., миѳи-
ческія существа распредѣлялись у нихъ по нѣсколь-
кимъ классамъ.

Вотъ характеристика арійскихъ религій и миѳоло-
гій, или, лучше сказать, арійского политеизма, ко-
торую представилъ Рѣнтишъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ
его мнѣніе, что арійскія религіи по богатству идей,
по многочисленности боговъ, превосходятъ религіи
хамитической и семитической. Мы согласно съ нимъ го-
товы утверждать и то, что въ арійскихъ религіяхъ
заключается болѣе нравственной чистоты и строго-
сти и онѣ менѣе располагали къ грубой чувствен-
ности и кровожадности, нежели какъ это было въ ре-
лигіяхъ хамито-семитическихъ. Не безъ основанія мож-
но полагать, что некоторая грубо-чувственная пред-
ставленія о богахъ, встрѣчаемыя нами въ греческой
религіи, были занесены въ нее изъ религіи финикий-
ской: культура и въ особенности религія народовъ
Передней Азіи и Египта, несомнѣнно, имѣли боль-
шое вліяніе на Грековъ какъ въ историческія, такъ
еще болѣе въ доисторическія времена. Религіи же
Славянъ и Германцевъ сохранили строго-нравствен-
ный характеръ, свойственный Арійцамъ, потому что
они, вслѣдствіе удаленности своего мѣстожительства
отъ Хамитовъ и отъ Семито-Хамитовъ, не подвер-
гались развращающему вліянію этихъ народовъ въ
такой мѣрѣ, какъ Греки. Признаемъ мы и ту мысль,
что разнообразіе идей и богатство образовъ, которыхъ
представляютъ намъ арійскія религіи, свидѣтельству-

ють о богатствѣ духовныхъ дарованій Арийцевъ. Даже и христіанство, положительное содержаніе кото-раго открыто Самимъ Богомъ и дано людямъ какъ неизмѣнное правило и истина, въ сознаніи различ-ныхъ людей и народовъ принимаетъ своеобразный видъ и характеръ, сообразно мѣрѣ и складу духовныхъ дарованій, сообразно степени и характеру развитія извѣстнаго лица и извѣстнаго народа. Тѣмъ сильнѣе и всестороннѣе долженъ отпечатлѣться духъ и культура народа на религії натуральной, которую онъ получилъ не отъ Бога, а самъ создалъ; какъ про-дуктъ его творческаго духа, она неизбѣжно и долж-на быть отображеніемъ какъ общаго характера, такъ и частныхъ чертъ его духа. По нашему мнѣнію, Ройти скорѣе умалилъ, нежели преувеличилъ бо-гатство идей, заключающихся въ арийскихъ религіяхъ; по крайней мѣрѣ онъ охарактеризовалъ это богат-ство не вполнѣ. Сколько ни усиливается онъ вос-хвалить дарованія Арийцевъ и возвысить ихъ религії предъ религіями другихъ расъ, однако онъ не вполнѣ достигаетъ цѣли. Кажется, это произошло отто-го, что онъ значеніе духовныхъ дарованій и въ ча-стности религіозныхъ идей измѣряетъ количественно: много идей въ религії, много богоў—значить соз-давшій ее народъ талантливъ. Отчасти это правда. Но все таки при оцѣнкѣ религії главнѣе всего нуж-но принимать во вниманіе глубину и истинность идей и соотвѣтствіе ихъ нормальнымъ требованіямъ рели-гіознаго чувства; равно и образы, въ которыхъ твор-ческая фантазія воплощаетъ эти идеи, нужно оцѣни-вать по той мѣрѣ, въ какой они удовлетворяютъ по-требностямъ истинной религіозности, возбуждая, ожив-ляя, укрѣпляя и очищая религіозное чувство. Извра-щенія же религіозныя идеи, уродливые и слишкомъ фантастические образы могутъ только унижать до-

стоинство религії,—унизить тѣмъ болѣе, чѣмъ больше ихъ будетъ числомъ. Само собой понятно, что было-бы странно подобную извращенность религії выставлять какъ доказательство даровитости народа, исповѣдующаго эту религию. Ройншъ, поставивши на видъ разнообразіе идей въ арійскихъ религіяхъ, какъ доказательство даровитости Арійцевъ, забылъ указать на высоту и вообще на внутреннее, качественное достоинство этихъ идей и облекавшихъ ихъ религіозныхъ образовъ. Между тѣмъ можно-ли было забыть о томъ, что въ глубоко-созерцательной религії Индусовъ сказалась способность Арійцевъ къ философіи, что въ прекрасныхъ, изящныхъ образахъ греческой миѳологии обнаружилась способность ихъ къ художественному творчеству, что въ религії Персовъ выражалось нравственное мужество Арійцевъ, относительная нравственная чистота ихъ и свѣтлый, здравый взглядъ на жизнь, что нравственно-простыя понятія и строгія чувства доблести и мужества отпечатлѣлись въ болѣе патріархальныхъ и простыхъ религіяхъ Славянъ и Германцевъ (впрочемъ о нравственной чистотѣ религії Германцевъ Ройншъ, какъ Нѣмецъ, упомянуть не забылъ)!?

Ройншъ изъ своей характеристики арійскихъ религій не выводитъ никакаго результата, пригоднаго для апологетики, потому, быть можетъ, что въ его сочиненіи апологетическая задача занимаетъ далеко не главное мѣсто. Апологетическая задача нашего труда обязываетъ насъ сдѣлать выводъ изъ изложенной характеристики арійскихъ религій. Выводъ этотъ кратко можно выразить въ слѣдующихъ словахъ. Богато одаренные отъ природы арійскіе народы, изъ которыхъ притомъ нѣкоторые издавна сдѣлались цивилизованными, создали религії, далеко превышающія по своему достоинству натуральныя религії другихъ наро-

довъ. И однако же самимъ же Арийцамъ, когда они выходили изъ состоянія дѣтской непосредственности и достигали въ своемъ развитіи степени мужеской зрѣлости, ихъ родныя религіи казались недостаточными, даже совсѣмъ ложными, стоящими того, чтобы отвергнуть ихъ. Наилучшія изъ натуральныхъ религій, созданныя народами даровитѣйшей расы, были полуразрушены или совсѣмъ отринуты, какъ не-пригодныя, тѣми самыми народами, которые произвели ихъ и въ теченіи многихъ столѣтій исповѣдывали. Такъ, напр., древнѣйшая народная религія Индусовъ уступила мѣсто браманизму, недостаточность этого послѣдняго вызвала буддизмъ; антропоморическая народная религія Грековъ, осмѣянная сначала философами и потерявшая всякое значеніе въ глазахъ лучшихъ людей своего народа, не могла затѣмъ выдержать борьбу противъ христіанства,—прежніе поклонники Зевса и прочихъ Олимпійцевъ сдѣлались горячими борцами противъ своей національной религіи. То же случилось и съ другими арийскими религіями: персидская религія палаподъ ударами мохаммеданства¹⁾); религіи римская, славянская, литовская и германская не устояли противъ христіанства. Правда, нѣкоторые изъ этихъ народовъ были отторгнуты отъ многобожія и обращены въ христіанство или въ мохаммеданство насильственно, силою меча и огня. Но несомнѣнно, что и безъ гоненія на язычниковъ со стороны христіанъ и мохаммеданъ, самою силою вещей арийскія многобожные религіи рано или поздно должны были пастъ не только предъ христіанствомъ, но и предъ исламомъ. Огонь и мечъ часто даже вредили дѣлу

¹⁾ Приверженцевъ древне-персидской религіи, исповѣдующихъ ее, притомъ, въ искаженномъ видѣ, насчитываютъ теперь не болѣе 15 т. Это таѣ называемые Парсы или отроклонники.

распространенія христіанства между язычниками; потому что они съ одной стороны разжигали языческій фанатизмъ, усиливали нерасположеніе и ненависть къ христіанству, возвигали язычниковъ на ожесточенную борьбу противъ этой новой вѣры и чрезъ то вливали новые силы и новую жизнь въ безсильное язычество, а съ другой стороны они роняли достоинство христіанства, распространяли ложный взглядъ на него, препятствовали правильному пониманію и глубокому усвоенію высокихъ христіанскихъ истинъ: религія духа, истины, святости и всепрощающей любви становилась орудіемъ жестокости, попранія личной свободы. Впрочемъ, если бы даже Арійцы были обращены къ христіанству исключительно силою огня и меча, то и это свидѣтельствовало бы о внутренней слабости и неудовлетворительности ихъ натуральныхъ религій: въ войнахъ побѣждаетъ собственно не мечъ, а духовная сила, которая держитъ его въ руки и поднимаетъ на врага; поэтому если язычество побѣждено въ борьбѣ съ христіанствомъ, хотя бы эта борьба была и кровавая, значитъ первое хуже втораго. Но конечно болѣе вѣськое и разительное доказательство непригодности арійскихъ натуральныхъ религій и несравненнаго превосходства предъ ними христіанства заключается въ томъ, что многіе арійскіе народы сами покинули свое язычество, потому что сознали его лживость, и добровольно, съ радостію приняли христіанство.—Но если даже даровитѣшіе изъ народовъ земного шара, каковы Арійцы, не могли собственными силами создать религію истинную и вполнѣ соответствующую своей цѣли, если ихъ религіи падали въ борьбѣ съ религіей богооткровенной; то ясно, что для дѣла религіи, для дѣла спасенія человѣка религіей (ибо какъ можетъ спасти человѣка религія ложная) недостаточно натуральныхъ силь ни

личности, ни народа, какъ бы они ни были талантливы, не достаточно даже всѣхъ народовъ земли, вообще не достаточно одного только *естественнаю* человѣка. Для приобрѣтенія истинной религіи и для плодотворнаго усвоенія ея нужна сверхъестественная помощь Божія. Религія должна быть даромъ Божіимъ, и поэтому только богооткровенная, сверхъестественная религія есть религія совершенно истинная и могущая спасти человѣка. Но и послѣ того какъ эта религія явилась на землѣ, человѣкъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія Божія; нужна особенная помощь Божія и для того, чтобы принять богооткровенную религію и для того, чтобы плодотворно пользоваться ею. Вѣдь и среди христіанъ, т. е. среди принявшихъ богооткровенную религію, были и есть раскольники, еретики, невѣрующіе. Истинная религія есть прежде всего даръ Божій, а затѣмъ совокупное дѣло Бога и человѣка. Но она отнюдь не должна быть изобрѣтеніемъ и дѣломъ только человѣка. Этому научаетъ насть исторія религій.

Характеристика Хамитовъ и ихъ религій, которую дѣлаетъ Грау¹⁾.

Хамитическая раса достигла гражданственности раньше двухъ другихъ расъ, и гражданственность ея бы-

1) Эта характеристика, помещенная въ статьѣ: Semiten und Indogermanen in Zeitschrift Beweis des Glaubens Aug. und Septemb. 1872 г. S. 356—372, составлена преимущественно по сочиненію Моверса: Die Phönizier. Еще одно замѣчаніе. Главными представителями той религіи и той культуры, которыхъ мы будемъ сейчасъ характеризовать по Грау и Моверсу, кромѣ Египтянъ, служатъ Финикиане, Вавилоняне, и Ассирияне. Что Египтяне—народъ хамитической, объ этомъ никто не спорить. Но остальные упомянутые наименования одними учеными, напримѣръ, Ренаномъ, Рюйтшомъ и другими, признаются за Семитовъ, другими, какъ напримѣръ Грау, за Хамитовъ. Этимъ и объясняется то, что религію и культуру этихъ

ла по преимуществу реалистическая и материальная. Задолго до возникновения семитическихъ и іафетическихъ государствъ уже существовали большія націи хамитического происхождения. Мысль о всемирномъ государствѣ возникла въ Вавилонѣ, где господствовали Хамиты. Этой расѣ свойственна необычайная способность къ политической организації. Примѣръ чрезвычайной долговѣчности хамитическихъ государствъ представляеть Египетъ. Произведенія преимущественно материальной культуры великихъ хамитическихъ государствъ поистинѣ удивительны. Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ производилось земледѣліе въ Вавилонѣ и Египтѣ! Изъ Вавилона распространилась по всему древнему миру система мѣръ и вѣсовъ. Вавилонское дѣленіе сутокъ на часы и часа на минуты удержалось до нашего времени. Въ Вавилонѣ же получиль начало алфавитъ и оттуда былъ заимствованъ Финикіянами. По архитектурнымъ произведеніямъ Египетъ превзошелъ всѣ хамитическія государства: тамъ съ массивнотю пирамидъ соперничаетъ величие и красота храмовъ. Но эти зданія суть не болѣе какъ небольшія остатки чрезвычайно-разнообразной и высокой культуры, которые постепенно открываетъ наука египетскихъ древностей. У Финикіянъ намъ бросается въ глаза необыкновенное развитіе мореплаванія, торговли, колонизаціи; также земледѣліе у нихъ и у Кареагенянъ находилось на высокой степени совершенства. Грау приводить краткую характеристику хамитической культуры изъ сочиненія барона Экштей-

народовъ одни называютъ семитической, другіе хамитической. По соображеніямъ, приведеннымъ нами выше, эту религию и эту культуру справедливѣе назвать хамитическими; пожалуй, можно назвать ихъ хамито-семитическими, такъ какъ Вавилоніе и Ассиріяне состояли изъ смѣшанія Хамитовъ и Семитовъ и такъ какъ хамитическая религія и вообще хамитическая культура приняты были многими чисто семитическими народами.

на: *Questions relatives aux antiquités des peuples Sémit. et caeter.* Вотъ болѣе крупныя проявленія этой культуры: наука и промышленность, земледѣліе и геометрія, орошеніе полей и осушеніе болотъ, построеніе храмовъ и алтарей, городскихъ стѣнъ и улицъ, проложеніе древнихъ всемирныхъ дорогъ, астрономія, знаніе священныхъ и свѣтскихъ временъ года, календари, система мѣръ и вѣсовъ, торговля и мореплаваніе, искусства и ремесла.

Мы могли бы уже считать за вѣроятное, говорить Грау, что такое необыкновенное развитіе материальной культуры у Хамитовъ не могло не имѣть вліянія на ихъ религію; но есть и доказательства этого предположенія. У хамитическихъ народовъ: Вавилонянъ, Египтянъ, Финикиянъ, священная литература совершенно особенного рода. Между тѣмъ какъ у Семитовъ и Арийцевъ священная литература вообще вызываетъ человека надъ его земными стремленіями, имѣть цѣлую соединить его съ Божествомъ,—примущественно посредствомъ жертвеннаго культа,—у Хамитовъ, напротивъ, материальная побужденія человѣка почитаются за божественные, и такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ сама материальная культура становится религіей. Священные книги Хамитовъ не имѣютъ идеального характера, который свойственъ даже языческимъ Арийцамъ. Моверсъ, баронъ Экштейнъ и Ренанъ говорятъ то же самое. Правда съ первого раза можетъ показаться, что Хамиты поставляли въ тѣсную связь религію съ материальной культурой потому, что они были религіозны, что они каждую вещь и каждое свое дѣйствіе освящали религіознымъ обрядомъ. Но если посмотреть на дѣло ближе и въ связи съ характеромъ хамитической религіи, то, напротивъ, окажется, что у Хамитовъ религія служила ихъ материальнымъ и мірскимъ стремленіямъ, вмѣсто того,

чтобы господствовать надъ ними и ограничивать ихъ. Если Платонъ Грекамъ приписываетъ любознательность, а Финикиянамъ и Египтянамъ корыстолюбіе; то мы имѣемъ право сказать, что религія Хамитовъ была служой ихъ корыстолюбія и ихъ материализма.

Основная черта хамитическихъ религій, которая кладеть на нихъ особенный отпечатокъ, есть половой дуализмъ божества. Этотъ дуализмъ нужно отличать отъ болѣе нравственного дуализма персидской религіи, въ основаніи котораго лежала противоположность свѣта и тьмы, добра и зла. Иное—половой дуализмъ въ хамитическихъ религіяхъ. Правда и Арійцы и другие народы половое различіе переносили на божество, но у Хамитовъ это различіе было принципомъ развитія религіи, чего нѣть у другихъ народовъ. Въ хамитическомъ энотеизмѣ божество, можетъ быть, представлялось андрогиномъ, мужеско-женскимъ существомъ, а потомъ изъ этого существа образовались, по представлению Хамитовъ, два божества: мужское и женское. Аналогію для такого представлениія Хамиты могли найти въ самой природѣ, которая проявляетъ единство, раздѣляющееся на двѣ половины: небо и землю. Хамитический политеизмъ есть только раскрытие представлениія о божествѣ, какъ состоящемъ изъ мужской и женской половинъ.

Это можно видѣть прежде всего въ египетской религіи. У Египтянъ это представлениѣ о божествѣ выражается въ миѣй обѣ Озирисѣ и Изидѣ. По мнѣнію Лепсіуса, прежде Оисъ и Мемфиса былъ въ Верхнемъ Египтѣ городъ Тисъ или Оисъ, древнѣйшее мѣсто пребываніе и колыбель всѣхъ царскихъ родовъ, изъ котораго потомъ образовался новый городъ Абидосъ. Въ этомъ то Оисъ, а потомъ Абидосъ, былъ самый древній и самый знаменитый мѣстный кульпъ Озириса. Поэтому нужно предположить, что этотъ

культъ древнѣйшей столицы Египта очень рано распространился по всему Египту. Кроме того Геродотъ часто говоритъ, что Озорисъ и Изиды были единственными богами въ Египтѣ, которыхъ почитали все Египтяне. Широкоразвѣтвленныя и имѣвшія множества значеній формы миѳа обѣ Озирисѣ, единственнаго значительнаго миѳа Египтянъ, указываютъ на раннее происхожденіе и особенное положеніе культа этого бога между прочими культами. Къ Озирису и Изидѣ относились близко или отдаленно всѣ мистеріи, которые совершали подъ различными именами въ разныхъ мѣстахъ Египта. Діодоръ свое замѣчаніе, что Египтяне первоначально почитали только двухъ боговъ, солнце и луну, первое въ Озирисѣ, а вторую въ Изидѣ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ изъ мифологического сочиненія Мането. Лепсіусъ приходитъ къ заключенію, что культъ солнца былъ первоначальнымъ национальнымъ культомъ Египтянъ, даже, можетъ быть, былъ национальнымъ наслѣдіемъ всего хамитического племени, и что въ мѣстномъ кульѣ Озириса въ Фисѣ и Абидосѣ нужно признать самое раннее миѳологическое выраженіе этого культа.

Отъ культа солнца нельзя отдѣлять культа луны, какъ супруги бога солнца. Въ развитіи Озирисова миѳа именно и высказывается то, что въ египетскомъ религіозномъ воззрѣніи половой дуализмъ есть основной принципъ. Представленіе о божествѣ мужескомъ и женскомъ, впрочемъ не связывалось необходимо съ солнцемъ и луной, но пріурочивалось и къ другимъ силамъ природы. Такъ, позднѣе Египтяне подъ Озирисомъ разумѣли Ниль, а подъ Изидой,—оплодотворяющую имъ почву. Точно также у финикиянъ и Сирийцевъ впаденіе рѣки въ море представлялось подъ образомъ союза Адониса съ Афродитой, между тѣмъ какъ сначала у этихъ народовъ Адонисъ означалъ

солнце. Небо почиталось мужескимъ, творящимъ началомъ; въ соответствіе ему земля представлялась потенціей, способной зачинать и рождать.

У двухъ другихъ хамитическихъ народовъ на которые въ настоящемъ случаѣ нужно обратить особенное вниманіе,—Финикиянъ и Вавилонянъ,—древнѣйшимъ божествомъ былъ Bel, El, Belitan. Это тоже, что Сатурнъ. Это хамитической перво-богъ, который въ своихъ странствованіяхъ по направлению отъ востока къ западу основываетъ хамитическую царства. По вѣрованію Финикиянъ, онъ основывалъ ихъ древнѣйшіе города Библъ и Бериеъ. По вѣрованію Вавилонянъ, онъ выходитъ изъ Вавилона, завоевываетъ востокъ и оставляетъ свое царство Семирамидѣ. Бэль признавался родоначальникомъ тирскихъ, караагенскихъ и лидійскихъ царей. Въ Египтѣ онъ назывался первымъ царемъ. Нуридайцы поставляли его во главѣ своей исторіи. Вавилоняне думали, что Бэль построилъ въ Вавилонѣ крѣпость по образцу того замка, который, по ихъ вѣрованію, находится въ сфере Сатурна. Бэль является диміургомъ, міродержителемъ и міроправителемъ. По его опредѣленію и при его участіи остальные боги царствуютъ надъ землями и народами, которые имъ отданы во власть. Послѣ того какъ заключенные въ древнемъ Бэль свойства позже раздѣлены были между тѣми богами, которые произошли изъ него, характеристическимъ символомъ его является столбъ,—знакъ основаннаго имъ міроваго порядка. Кромѣ того съ царствомъ господствующаго въ первобытное время древняго Бэла соединяется представлениe о блаженномъ, изобилующемъ благами, золотомъ вѣкѣ Сатурна. Можетъ быть основой этого представлениe служило воспоминаніе о первомъ великому культурномъ развитіи Хамитовъ, которое было приписано первоначальному богу всѣхъ

Хамитовъ. Бэль былъ древнѣйшимъ божествомъ азіатскихъ Хамитовъ, и въ немъ уже можно указать главныя черты, которыя преимущественно у Финикиянъ и Хананеянъ, конкретно развились въ позднѣйшихъ божествахъ: Баалъ или Баалъ (молодой Бэль), Адонисѣ, Молохѣ и Геркулесѣ.

Бэлу, какъ мужескому, творящему началу, у Финикиянъ и Вавилонянъ соотвѣтствовало женское начало — Милитта. Моверсъ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ противоположность между Бэломъ и Милиттой: „она есть богиня благосклонная къ жизни и радости, ласковая и благожелательная къ человѣчеству, поэтому называлась *bona misericors dea*; онъ, напротивъ, строгое, мрачное существо, по миѳологическому представлению, брюзгливый старикъ, холодный, ревнивый и жестокій. Ей приносили жертвы подъ звуки бубновъ, погремушекъ, подъ смѣшанный шумъ тысячи цимбаловъ и тимпановъ и крики бѣснующихся гаёровъ и пророчествующихъ женщинъ; но весь шумъ и ликованіе прекращались мгновенно, какъ скоро начиналось священное служеніе ему. Ей были посвящены дѣвицы, которая въ честь ея предавались блуду, а ему жрецы, лишенные половой способности. Онъ наслаждался воплемъ сожигаемыхъ или о скалы раздробляемыхъ дѣтей; а посвященная ей дѣвица приносila въ жертву ей цѣломудріе“.¹⁾)

Впрочемъ можно думать, что только довольно поздно образъ Бэла въ представлении народномъ сдѣлался суровымъ божествомъ, первоначально же въ немъ были и свѣтлые стороны. Впослѣдствіи суровая сторона въ характерѣ Бэла выразилась въ особомъ божествѣ — Молохѣ, а свѣтлая сторона — въ Адонисѣ и Баалѣ. Баалъ былъ общимъ названіемъ мужескаго бо-

¹⁾ Die Phonizier von Movers. B. I. S. 307.

жества у Финикиянъ и другихъ хамитическихъ и семитическихъ народовъ. Это имя означало господина, владыку служащаго ему человѣка. Вааль вездѣ, гдѣ былъ почитаемъ, имѣлъ значеніе бога солнца, какъ начала и носителя физической жизни, какъ творческой или производящей и поддерживающей силы природы, которая почиталась истечениемъ изъ его существа. Это представление было олицетворено позже въ Адонисѣ, который изображалъ собою весеннее солнце, пробуждающее природу отъ зимняго сна и производящее пышную растительность. Но Вааль имѣлъ значеніе и разрушающей силы, какъ Бааль — Хамманъ, т. е. Вааль зноя. Это богъ лѣтняго знойнаго солнца, которое въ жаркихъ странахъ убиваетъ растительную жизнь. Наконецъ, Вааль, подъ именемъ Вааль-Хевана, имѣлъ значеніе зимняго солнца,—значеніе силы сохраняющей жизнь природы, такъ какъ истощенная природа зимой собирается съ силами, чтобы вновь производить весной. У Вавилонянъ было подобное же тройственное дѣленіе Бэла. Каждый изъ этихъ трехъ Бэловъ параду съ собой имѣлъ соотвѣтствующее его характеру женское божество. Къ страстному Адонису примыкала ипохоливая Баалтисса или Милитта; Вааль-Молохъ, Вааль-Хамманъ, по своей двойственности природѣ, имѣть двоякое женское начало: какъ поясающій огонь, онъ принимаетъ въ подруги себѣ суровую, жестокую, дѣственную богиню Мележеть или Астарту; а когда получаетъ характеръ Адониса, то супругой его дѣляется Милитта.

И такие Хамиты понимали природу и жизнь ея въ видѣ двухъ началь — оплодотворяющаго (мужскаго) и зачинающаго или рождающаго (женскаго) и именно въ этихъ началахъ видѣли бытіе и сущность божества. Но такое представление о божествѣ необходимо вело къ признанию, что божество умира-

еть; такъ какъ все, рождающееся въ природѣ, умираетъ.

Съ поэтическою привлекательностію выступаетъ предъ нами это возрѣніе—у Финикіанъ, въ миѳѣ объ Адонисѣ, у Египтянъ въ миѳѣ объ Озирисѣ. Въ Финикии богъ юной возраждающейся жизни природы есть прекрасный юноша, котораго любить Афродита. На охотѣ его убиваетъ венеръ (это животное Марса, Молоха, т. е. бога лѣтняго зноя). Съ плачемъ ищетъ его богиня, пока не находитъ въ зеленой травѣ, обагренной кровью. Около Библоса, на финикійскомъ берегу находилось мѣсто, гдѣ Афродита въ послѣдній разъ обнимала возлюбленнаго (Афака-объятіе). Здѣсь былъ потокъ Адониса, который обагрялся его кровью. Въ садахъ Адониса сажали быстро распускающіяся и пышно растущія растенія, которыхъ потомъ скоро блекли отъ солнечнаго жара. Въ этихъ садахъ женщины,—любимымъ торжествомъ ихъ былъ праздникъ Адониса,—искали изображеніе Адониса и находили его въ салатѣ. Трауръ по умершемъ Адонисѣ выражался въ плаче и вопляхъ женщинъ, которыхъ даже терзали и рѣзали себѣ груди въ знакъ печали. Въ позднѣйшее время отъ обрѣзанія волосъ женщины въ Библосѣ откупались только тѣмъ, что онѣ въ про долженіи цѣлаго дня (послѣ траурнаго торжества) продавали себя сошедшимся на праздникъ чужеземцамъ и деньги приносили въ храмъ Баалтиссы. Подлѣ носилокъ съ изображеніемъ Адониса, раны котораго показывали всѣмъ, сидѣли люди съ разорванными платьями и издавали вопли. Здѣсь раздавались печальные звуки инструментовъ и плачевые крики: „увы, Господи! что его величие!“ Послѣ седьмидневнаго траура раздавался крикъ: „Адонисъ живъ и воскресъ!“ Тогда мѣсто безмѣрной печали и воздержанія заступала необузданная радость и распущенность.

Дѣвицы, сидя на землѣ и изображая плачущую Афродиту, ожидали Адониса, которому они приносили въ жертву свое дѣвство вмѣсто Баалтиссы, для чего они подавали любовникамъ символъ бога—Фаллусъ.

Въ аналогическомъ миѳѣ обѣ Озирисъ и Изидѣ Озириса убиваетъ Тифонъ, богъ жгучаго, знайнаго солнца. Ящикъ съ трупомъ бога плыветъ по Нилу въ море и достигаетъ до Библоса на Финикійскомъ берегу, гдѣ его окружаетъ и одѣваетъ быстро растущая Эрика. Съ жалобными воплями ищетъ Изида своего супруга, наконецъ находитъ его и приноситъ назадъ въ Египетъ. Послѣ того какъ тамъ трупъ Озириса опять бываетъ растерзываемъ Тифономъ, который находитъ на охотѣ за кабанами, Тифона побѣждаютъ воины Озириса, и Озирисъ оживаетъ. Этотъ миѳ означаетъ то, что Ниль, т. е. Озирисъ, наводненный приливомъ воды отъ растопленныхъ солнцемъ снѣговъ на южныхъ горахъ, оплодотворяетъ египетскую почву, т. е. Изиду; но наконецъ лишается своей силы отъ знайнаго южнаго вѣтра. Но какъ оживаетъ Адонисъ, такъ и Озирисъ въ слѣдующемъ году снова получаетъ свою оплодотворяющую силу. Однимъ словомъ во всѣхъ хамитическихъ религіяхъ божество понимается, какъ рождающая и способная къ оплодотворенію сила природы и потому — какъ подверженное смерти. Широкое распространеніе этого религіознаго воззрѣнія доказывается тѣмъ, что изъ него произошло множество миѳовъ, которые отчасти перешли и къ нехамитическимъ народамъ, напримѣръ, къ Грекамъ. Таковъ, напримѣръ, миѳ о Линосѣ, распространенный у Вавилонянъ, Египтянъ, Малоазійскихъ народовъ и у Грековъ. Этотъ миѳ есть плачевная пѣснь о быстромъ изчезновеніи юношеской, сильной и прекрасной жизни человѣка и природы. Поэтому эту пѣснь пѣли при жатвѣ. Миѳ о Фениксе также

содержитъ представлениe о жизни природы, имъющей своимъ источникомъ солнце, погасающей отъ зноя послѣдняго и вновь воскресающей отъ его благотворной теплоты.

Какъ материально Хамиты понимали половой дуализмъ въ божествѣ, это показываетъ священная преституція, которая была у Финикіянъ, Вавилонянъ и въ храмѣ Юпитера Амона, основанномъ Египтянами.— Но съ понятіемъ о божествѣ, какъ силѣ рождающей, соединялось представлениe о немъ, какъ о существѣ смертоносномъ и разрушительномъ. Разрушительная сила природы выражена въ страшномъ Молохѣ или Тифонѣ. Бааль-Молохъ означалъ солнечный жаръ, который не только действуетъ благотельно на растительность чрезъ теплоту, но и опять разрушаешь свои созданія зноемъ. Если солнечный жаръ лѣтомъ изсушалъ и губилъ красоту природы, если цветы и растенія блѣкли, если отъ зноя воздухъ наполнялся заразительными испареніями, то Финикіяне и Кареагеніяне приносили въ жертву Молоху своихъ дѣтей, Египтяне сожигали людей въ честь Тифона, Ливіецъ и Эгіоплянинъ, какъ и всѣ африканцы, выше всего почитавши солнце, заклинали демона огня, который, по ихъ вѣрованію, поражалъ ихъ и истреблялъ ихъ поля. Финикійскому Бааль-Молоху или Бааль-Хамману соотвѣтствовалъ Адраммелехъ или Анаммелехъ у Вавилонянъ, въ жертву которому сожигались дѣти. Что представлениe о Молохѣ было обще всѣмъ Хамитамъ и было у нихъ съ самаго начала, должно заключать изъ того, что, по преданію, и Сатурну, т. е. древнему Бэлу, слѣдовательно, первоначальному Хамитическому божеству, приносились въ жертву дѣти; поэтому на Молоха нужно смотрѣть, какъ на конкретное выраженіе этой стороны первоначального Хамитического божества.

Эти жертвы приносились ежегодно въ определенный день, и кромъ того при предстоящихъ великихъ предпріятіяхъ; напр. при открытии похода, при основаніи города, наконецъ при великихъ несчастіяхъ. Свидѣтельства объ этомъ находятся: въ Священномъ Писаніи, у Діодора, Порфирія и другихъ. Діодоръ, напримѣръ, передаетъ слѣдующій разсказъ. Каѳагеняне, разъ потерявши сраженіе въ Сициліи, приписали это гибелью Сатурна за то, что они предъ этимъ событиемъ тайно стали приносить ему въ жертву купленныхъ дѣтей, которые предварительно откармливались; между тѣмъ какъ прежде они приносили въ жертву дѣтей изъ благороднѣйшихъ фамилій. Въ возмездіе за этотъ обманъ были принесены въ жертву 200 дѣтей изъ самыхъ знаменитыхъ домовъ; кромъ того еще другіе 300, которыхъ также считали утаенными, сами отдались въ добровольную искупительную жертву за отечество.

Такимъ образомъ у Хамитовъ объ руку съ материальнымъ пониманіемъ жизни, съ обоготовленіемъ рождающей силы идетъ и сознаніе страшной виновности всего живущаго, которая можетъ быть искуплена только само-уничтоженіемъ. Огонь страсти можетъ быть искорененъ только пламенемъ смерти. Но что особенно замѣчательно, такъ это перенесеніе этой черты на самое божество. Кроносъ, царь земли (здѣсь дѣло идетъ о Бэлѣ-Сатурнѣ, какъ древнѣйшемъ богѣ Финикиянъ и Хамитовъ вообще), имѣлъ единороднаго сына отъ туземной нимфи Анобреты. Когда странѣ предстояли великія военные опасности, тогда онъ приказывалъ украсить сына царскимъ украшеніемъ и приносилъ его въ жертву на воздвигнутомъ алтарѣ. Съ этимъ нужно сопоставить представленіе о Кроносѣ или Сатурнѣ, поглощающемъ своихъ дѣтей. Но всего яснѣе основное религіозное воззрѣніе Хамитовъ вы-

ступаетъ въ разнообразно развитомъ миѣѣ о Геркулесѣ-Санданѣ или Сарданапалѣ. Здѣсь открывается тѣ-снѣйшая связь повидимому взаимно исключающихъ себя началь, одинаковое обоготвореніе начала и конца всякой жизни,—рожденія и смерти. Это хорошо выражалось и въ кульѣ: между тѣмъ какъ въ честь Ашеры совершились женскими и мужскими хиродулами оргіи разврата, холмы въ долинѣ Гинномовой курились кровью дѣтей, закланнныхъ въ жертву Балль-Молоху. Но наглядно выражалось это религіозное воззрѣніе въ извѣстномъ разсказѣ о Сарданапалѣ. Здѣсь дѣло идетъ не объ исторіи, а только о миѣѣ, который соединяется съ исторіей, и такимъ образомъ дѣлается сагой. Сарданапалъ прежде всего есть великий военный герой, который совершаетъ великія завоеванія и постройки, но потомъ, изнѣженный онъ, самъ сожигаетъ себя на кострѣ.

Здѣсь нужно еще припомнить о характеристическомъ празднике Кушей. Это хамитический карнаваль. На этомъ празднике присужденного къ смерти раба украшали самыми дорогими уборами, золотыми цѣпями, ушными привѣсками и кольцами, одѣвали въ ярко-красную прозрачную одежду (ее употребляли публичныя женщины и царицы), давали ему въ одну руку кубокъ, а въ другую, можетъ быть въ знакъ его силы, обоюдуострый топоръ, окружали его женщинами, сажали на царскій тронъ подъ пурпурный балдахинъ и въ такомъ видѣ выставляли на показъ всѣмъ. Пять дней продолжалось радостное торжество. Этотъ царь праздника получалъ изъ гарема царя женщину-рабу или, по другимъ извѣстіямъ, царскую наложницу. По истеченіи этихъ дней, въ которые онъ наслаждался всѣми земными удовольствіями, его сожигали совсѣмъ его убранствомъ и, вѣроятно, и съ царицей торжества. Это—чисто Хамитический Сар-

данапаловъ праздникъ, какъ его праздновали въ Ниневіи и Вавилонѣ. Царь и царица праздника изображали бога и богиню. Народъ проводилъ это время въ кущахъ въ кутежахъ и чувственныхъ удовольствіяхъ. При этомъ должно опять вспомнить объ Адонисѣ, который переходитъ къ смерти изъ объятій Афродиты. Какъ въ союзѣ Геракла-Молоха съ богиней сластолюбія, такъ и въ этомъ праздникѣ выражается тождество божества производящей силы природы съ богомъ разрушительной силы ея.

Для поверхностнаго взгляда можетъ, конечно, показаться, что въ этихъ столь противоположныхъ религіозныхъ представленихъ находится противорѣчіе. Если принципъ Хамитической религіи есть половой дуализмъ (Адонисъ и Афродита), то съ этимъ плохо вижется представление о такихъ божествахъ, каковы Молохъ и Мелехетъ. Въ честь тѣхъ боговъ совершался противоестественный развратъ, а послѣднимъ богамъ служили посредствомъ сожиганія дѣтей, самооскощенія, вообще чрезъ человѣческія жертвы, особенно чрезъ пожертвованіе чего нибудь наиболѣе любезнаго сердцу, напримѣръ, единороднаго сына или друга. Подобныя же противоположности находятся и въ представлениі о самомъ божествѣ: божество жизни и заражденія становится божествомъ смерти и уничтоженія; божеству приписывается сластолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самооскощеніе и самосожиганіе (греческое вѣрованіе, что Кроносъ-Бэль лишаетъ своего отца Урана мужской силы, есть чисто хамитическое представлениѣ). Но мы не ошибемся, если будемъ видѣть въ этомъ кажущемся противорѣчіи настоящую сущность хамитической религіи.

Хотя религія Хамитовъ исходнымъ пунктомъ своимъ имѣла почитаніе звѣздъ, какъ показываютъ египетская, финикійская и вавилонская міѳологіи, однако

на половой дуализмъ, который былъ связанъ съ этимъ почитаніемъ съ самаго начала и сообщалъ особенный характеръ хамитическому почитанію бога-солнца и богини-луны, нужно смотрѣть какъ на закваску, которая материализировала религію и такъ ужасно заражала ее ядомъ. Такимъ образомъ основную характеристическую черту хамитической религіи мы должны видѣть въ материализованіи божественнаго, въ низведеніи божества въ натуральную жизнь съ ея рожденіемъ, развитіемъ, умираниемъ и смертію. Диаметральную противоположность такому взгляду на божество составляло въ ветхозавѣтной религіи учение о святости Бога, т. е. о премірности Его, о бытіи Его въ жизни природы, особенно въ двухъ конечныхъ ея пунктовъ — рожденія и смерти. Важное значеніе, которое Ветхій Завѣтъ придавалъ святости Бога, понятна намъ будеть лишь тогда, когда вспомнимъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ постоянно истинный Богъ израильскій, съ его истинными божественными свойствами, противополагался ложнымъ ханаанейскимъ, обще, хамитическимъ богамъ. Когда говорится тамъ о святости Бога истиннаго, то молчаливо указывается несвятость, материальность хамитическихъ боговъ. Первоначальная религія Іафетитовъ также противоположна по своему характеру хамитической религіи. Въ ней боги, въ отличіе отъ людей, признаются бессмертными; и на первоначальную религію Іафетитовъ нужно смотрѣть, какъ на идеализацію природы, какъ на стремленіе поднять жизнь природы до божественной высоты и чистоты.

Основную черту материализаціи Божественнаго въ хамитической религіи можно видѣть и съ другой стороны,—стоить только посмотреть на обоготовленіе животныхъ. Этотъ столь странный религіозный феномень первоначально вовсе не ограничивался однимъ

Египтомъ: почитаніе змѣй было у Финикіянъ, почитаніе рыбъ у Вавилонянъ. Причина, почему у Египтянъ столь широко было распространено почитаніе животныхъ, а у прочихъ Хамитовъ оно было только въ зародыши, есть та же самая, которая вызвала очень важныя различія между этими народами, именно религія прочихъ хамитическихъ народовъ приняла въ себя болѣе духовные элементы семитизма. Этимъ фактомъ объясняется и ограниченное число боговъ у Вавилонянъ, Ассириянъ и Финикіянъ. Прогрессивное погружение божественного въ жизнь природы можно видѣть въ представлениі Египтянъ обѣ Озирисѣ. Первоначально Озирисъ и Изида были небесными божествами солнца и луны, потомъ Озирисъ сдѣлался Ниломъ, на котораго можно смотрѣть какъ на сына солнца, а Изида олицетворяла оплодотворяемую Ниломъ египетскую почву. Наконецъ еще большее материализированіе Озирисъ нашелъ въ почитаніи быка Аписа, которому воздавались божескія почести. Такимъ образомъ въ хамитической религіи натуральная жизнь не идеализирована, ей не приданы божественные свойства, какъ это было у Іафетитовъ; на-противъ самобожественное существо низведено въ глубь натуральной жизни.

Не должно опускать изъ виду, что хамитическая религія представляетъ пленамѣренную, въ сущности отношений заключающуюся, гнусную каррикатуру христианства. И въ христианствѣ Богъ вступаетъ въ человѣческую жизнь; но здѣсь происходитъ это чрезъ святое состраданіе, по требованію божественной любви, которая ради жизни міра даетъ Единородному плоть и предаетъ его смерти. Чѣмъ здѣсь исходитъ свыше, отъ святаго Бога и совершаются абсолютно—свято, то тамъ идетъ снизу и происходитъ изъ нечистой фантазіи, изъ плотской похоти грѣховнаго че-

ловъка, послѣдствіями чего является тамъ порча нравственности. Особенно семейная жизнь, которая сама выходитъ изъ половыхъ отношеній людей, противозаконно разрушается въ хамитическихъ религіяхъ проституціей, оскопленіемъ и сожиганіемъ дѣтей Има характеристического для хамитизма бога, Бааль-Хаммана (богъ жара, огня), носить и родонаачальникъ Хамитовъ. Какъ „Хамъ“ или „Хема“ означаетъ знойное солнце, такъ и раса этого имени отличалась необузданнмъ пыломъ плотской страсти. Хамъ, не застыдившійся при видѣ наготы отца, какъ бы освящалъ этимъ тѣ культуры своихъ потомковъ, которые (культы) соединялись съ развратомъ.

По поводу этой характеристики Хамитовъ и ихъ религіи мы сдѣлаемъ чѣсколько краткихъ замѣчаній, укажемъ на нѣкоторые недостатки ея.

При составленіи характеристики хамитическихъ религій, какъ мы уже сказали, Грау пользовался преимущественно Моверсомъ. Но сочиненіе Моверса было написано тогда (оно издано въ 1841 г.), когда вопросъ о вліяніи особенностей расы на религію еще не затрагивался. И Моверсъ не опередилъ своего времени въ этомъ отношеніи. Посвятивши весь первый томъ своего сочиненія характеристику хамитическихъ или хамито-семитическихъ религій, онъ не указываетъ связи между характеромъ этихъ религій и характеромъ тѣхъ народовъ, которые ее имѣли. Грау, сообразно съ цѣллю своего сочиненія, старается восполнить этотъ недостатокъ. Онъ поставляетъ характеръ хамитическихъ религій въ зависимость отъ характера ихъ культуры: культура ихъ была по преимуществу материальная, поэтому и религія ихъ отличалась материализмомъ. Мысль вѣрная; потому что сама религія, какъ одинъ изъ культурныхъ элементовъ, стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ развитіемъ народа, съ общимъ

его міросозерцаніемъ, опредѣляясь въ своихъ особеностяхъ и характерѣ тѣмъ и другимъ, и сама, въ свою очередь, воздѣйствуя на то и другое. Но такое рѣшеніе вопроса объ отношеніи расового характера Хамитовъ къ ихъ религіямъ нельзя не назвать поверхностнымъ. Грау не опредѣлилъ настоящей коренной причины, почему религіи Хамитовъ отличались материальностью. Онъ не объяснилъ намъ, отчего культура Хамитовъ была по преимуществу материальная. Онъ не указываетъ тѣхъ коренныхъ особенностей въ расовомъ характерѣ Хамитовъ, отъ дѣйствія которыхъ ихъ культура и въ частности ихъ религіи сдѣлались материалистическими. Онъ вообще не говоритъ объ особенностяхъ характера Хамитовъ. Сдѣлавши анализъ характера Семитовъ, онъ не далъ характеристики расовыхъ особенностей Хамитовъ. Сказать, что культура и религіи такихъ-то народовъ отличались материальностью, это значитъ сказать слишкомъ мало о расовомъ характерѣ этихъ народовъ и объ отношеніи этого характера къ ихъ религіи. Нужно, впрочемъ, сознаться, что сдѣлать удовлетворительный анализъ характера Хамитовъ очень трудно. Теперь нѣтъ ни одного чисто хамитического народа, по характеру которого можно было бы заключать о характерѣ древнихъ Хамитовъ такъ же, какъ характеръ современныхъ намъ Евреевъ и Арабовъ даетъ понятіе о духѣ древняго семитизма. Хамитовъ трудно охарактеризовать еще и потому, что многіе и притомъ самые значительные изъ хамитическихъ народовъ очень рано смѣшались съ Семитами; такъ что изображенную выше культуру точнѣе будетъ назвать хамито-семитической, а не хамитической. Наконецъ самая историческая свѣдѣнія о Хамитахъ скучнѣе, нежели о Семитахъ и объ Іафетитахъ: письменныхъ памятни-

ковъ осталось мало, а вещественные стали открывать и изучать только съ начала нынѣшняго столѣтія.

Но главный недостатокъ приведенной характеристики Хамитовъ и ихъ религій состоить въ томъ, что, по причинѣ несоблюденія научнаго беспристрастія, она не вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности и не свободна отъ преувеличеній. Этотъ недостатокъ замѣчается не въ какихъ либо частностяхъ характеристики,—тогда онъ былъ бы еще не очень важенъ,—но онъ проникаетъ кореннуу ея мысль, а отсюда и вся характеристика неизбѣжно получаетъ ложное освѣщеніе. Коренная мысль въ этой характеристицѣ хамитизма та, что культура Хамитовъ была по преимуществу материальная и религія—грубо-чувственная, что вообще у нихъ не было идеальности. По существу эта мысль справедлива; она имѣеть сторонниковъ и Грау даже не первый высказалъ ее. Но нельзя одобрить крайности и преувеличеній, которыми допустилъ Грау въ раскрытии этой мысли,—допустиль притомъ, вопреки несомнѣннымъ историческимъ фактамъ, на которые мы сошлемся ниже. Такъ какъ, кромѣ того, эти факты общеизвѣстны, и нельзя предположить, чтобы Грау не зналъ о нихъ; то его можно упрекнуть не только за преувеличенія, но и за тенденціозность, за отсутствіе строгой научной критики и беспристрastнаго отношенія къ фактамъ. Эту тенденціозную мысль Грау можно выразить кратко въ слѣдующихъ словахъ: между тѣмъ какъ Семиты отличаются идеальностю, суть наилучшіе изъ людей и въ особенности всѣхъ пре восходятъ религіозностю; Хамиты, напротивъ, до того материалистичны, что даже и религіи ихъ были пропитаны ядомъ материализма и чувственности. Въ своей книгѣ Грау дѣлаетъ намекъ, что начало образованію этихъ діаметрально противоположныхъ ха

ктеровъ той и другой расы положено было еще въ колыбели этихъ расъ, въ лицѣ ихъ родоначальниковъ Сима и Хама. Симъ былъ доброправенъ и почтителенъ къ отцу, Хамъ—безнравственъ. Хамъ, насыщавшись надъ отцемъ, съ которымъ Богъ вступилъ въ завѣтъ, насыпался надъ Богомъ. Естественно, что и потомство его, подобно ему, отличалось нравственною распущенностью и нечестіемъ. Напротивъ, отъ благочестиваго и благословленнаго Сима и народы произошли такіе, которые отличались набожностію и строгою нравственностью. Грау, такимъ образомъ, основаніе для своего взгляда на характеръ Семитовъ и Хамитовъ старается указать въ самой Библіи. Но не слишкомъ ли смыло краткое библейское сказаніе о Симѣ и Хамѣ приводить въ связь съ упомянутымъ тенденціознымъ воззрѣніемъ Грау на характеръ семитизма и хамитизма? Мы не отрицаемъ того, что злонравіе Хама, обнаружившееся въ его насыпкѣ надъ наготою отца, и вызванное этимъ поступкомъ проклятие Ноемъ Ханаана, сына Хамова, оказало вліяніе на характеръ и судьбу Хамитовъ. Согласны мы и съ тѣмъ, что благочестіе Сима, награжденное благословеніемъ отцовскимъ, было съмѣнемъ, изъ котораго развились добрыя паклонности въ его потомствѣ, привлекавшія благословеніе Божіе. Но отсюда еще нельзя заключать, будто Семиты были идеальны и благочестивы, Хамиты—чувственны и злочестивы. Что взглядъ Грау на Семитовъ есть не соотвѣтствующая фактамъ идеализація добродѣтелей Семитовъ, объ этомъ мы уже говорили, и не о нихъ теперь рѣчь. Но и касательно Хамитовъ есть историческія свидѣтельства и факты, которые указываютъ на существованіе добрыхъ сторонъ въ религіяхъ и въ характерѣ этой расы и о которыхъ Грау тенденціозно умолчалъ; такъ что, поэтому, взглядъ его на безнравственность и нечестіе

Хамитовъ можетъ быть принять только съ ограничениями. Вотъ эти факты и свидѣтельства.

Въ древности чисто хамитическимъ, не смѣшаннымъ съ другими племенами, народомъ были Египтяне. Поэтому о хамитическомъ характерѣ и о хамитическихъ религіяхъ наиболѣе вѣрное и точное понятіе можно составить на основаніи свѣдѣній о характерѣ и религіи Египтянъ. Факты, относящіеся къ исторіи Египтянъ и ихъ религіи, показываютъ, что они не были до такой степени грубо-чувственны и материалистичны, какъ изображаетъ всѣхъ вообще Хамитовъ Грау. Геродотъ, напр., говоритъ, что Египтяне были самый благочестивый и самый религіозный народъ изъ всѣхъ тогдашихъ народовъ. Крайняя заботливость Египтянъ о предохраненіи покойниковъ отъ тлѣнія, для чего ихъ бальзамировали и хоронили въ величайшихъ въ мірѣ зданіяхъ (пирамидахъ), которые, можетъ быть, именно для этой цѣли и были построены, не свидѣтельствуетъ ли о вѣрѣ ихъ въ загробную жизнь или по крайней мѣрѣ о томъ, что они думали не объ одной временной жизни и заняты были не одними материальными разсчетами? Если кто, такъ именно материалисты всего менѣе могутъ думать и заботиться о мертвцахъ, которые, съ ихъ точки зрѣнія, суть только зловонные трупы, имѣющіе скоро превратиться въ прахъ. Во время пиршествъ Египтяне имѣли обыкновеніе ставить на виду пирующихъ деревянное подобіе мумій, чтобы напоминать имъ о смерти. На египетскихъ муміяхъ найдены свитки папируса, покрытые гіерогlyphическими письменами, въ которыхъ содержатся молитвы къ богамъ и вѣрованія касающіяся загробной жизни. Собрание этихъ надгробныхъ изречений составило цѣлую книгу, которую издалъ Лепсіусъ подъ именемъ „Книги мертвыхъ“. Религіозность Египтянъ обнару-

живается и въ чрезвычайной строгости наказаний, которые были опредѣляемы за неуваженіе къ святыиѣ; такъ, напр., за убіеніе священной кошки виновный подвергался смертной казни Конечно, это религіозность извращенная, суевѣрная; но при сужденіи о силѣ религіозности народа не имѣеть значенія вопросъ о качественномъ достоинствѣ религіозности. Такимъ образомъ религіозность или субъективная сторона религіи Египтянъ представляеть намъ этотъ хамитический народъ въ лучшемъ и болѣе идеальномъ видѣ, нежели какъ описываетъ Хамитовъ Грау. — Но кажется не одни Египтяне, а и всѣ Хамиты были болѣе религіозны, нежели какъ полагаетъ Грау. Въ томъ фактѣ, что въ многочисленныхъ священныхъ книгахъ Хамитовъ заключались свѣдѣнія изъ всѣхъ тогдашнихъ свѣтскихъ наукъ и искусствъ, Грау видитъ указаніе не на религіозность Хамитовъ, а напротивъ, на ихъ материалистической духъ—указаніе не на то, что они свѣтскую культуру поставляли въ зависимость отъ религіи и стремились посредствомъ религіи освятить всю вообще свою жизнь, а на то, что они оземленыи самую религію и заставляли ее служить цѣлямъ материальной жизни. Это мнѣніе Грау едва-ли справедливо. Правда политеизмъ въ сущности есть низведеніе божественнаго начала въ область міровой, материально-духовной жизни, есть натурализація, овеществленіе Божества; но такое овеществленіе Божества свойственно всѣмъ вообще языческимъ религіямъ, а не однимъ хамитическимъ религіямъ. Поэтому языческія религіи по праву называются натуралистическими, язычество носитъ название натурализма. Точно также не у однихъ Хамитовъ, а вообще у всѣхъ древнихъ народовъ свѣтская литература не была отдѣлена отъ духовной. Въ древнейшія времена религія имѣла въ жизни народовъ

всестороннее значение; она сообщала свою окраску всёмъ главнейшимъ проявлениямъ теоретической и практической дѣятельности и жизни человѣка; священная литература была энциклопедіей всѣхъ тогдашнихъ знаній. Это и понятно: жрецы были тогда самыми образованными и учеными людьми; они были и медиками, и астрологами и математиками. Что почти вся тогдашняя ученость сосредоточивалась въ лицѣ жрецовъ, это-то яснѣе всего и показываетъ, какое великое и широкое значение для жизни имѣла тогда религія. Не религія родилась изъ науки, а науки вышли изъ религіи. Мысленіе было мысленіемъ религіознымъ; религія и религіозность проникала всѣ области жизни. Это было такъ у всѣхъ народовъ древности, и Хамиты не составляютъ исключенія. Но этому выше приведенное объясненіе Грау факта смышенія у Хамитовъ свѣтской литературы съ духовной не правильно. Этотъ фактъ, согласно общепринятыму мнѣнію, показываетъ, что въ древности специализаціи наукъ не было, что почти каждый ученый былъ энциклопедистомъ, что эти энциклопедисты-ученые преимущественно были изъ жреческаго сословія, что всѣ науки носили характеръ религіозный, что религія не столько подчинялась и служила свѣтской культурѣ, сколько проникала ее своей силой и подчиняла ее себѣ. — Что касается, затѣмъ, до перенесенія половыхъ отношеній, замѣчаемыхъ въ видимой природѣ, въ жизнь боговъ, то такое представление о богахъ дѣйствительно внесло въ культу элементъ чувственно-эротической, а потомъ, по тѣсной связи зарожденія со смертью, чувственной страсти съ жестокостію, — и элементъ кровавый, разумѣемъ священную проституцію и принесеніе людей въ жертву богамъ. Хотя все это было не у однихъ Хамитовъ, но и у другихъ народовъ, напр. у Индусовъ; одна-

ко, несомнѣнно, у Хамитовъ, чувственно-кровавая сторона въ культѣ получила широкое развитіе. Но мы вѣдь и не настаиваемъ на признаніи за ихъ религіями характера духовности и идеальности. Мы только стараемся доказать, что мнѣніе Грау о крайней материальности хамитическихъ религій преувеличено и не вполнѣ соответствуетъ дѣйствительности.

Въ заключеніе мы нѣсколькими общими чертами охарактеризуемъ состояніе вопроса, изслѣдованіемъ котораго мы занимались, и скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы выполнили нашу задачу.

Всѣ известные намъ ученые и пантегистическо-натуралистического направлениія и христіанско-теистического, занимавшіеся этимъ вопросомъ, придаютъ такое или иное значеніе расовымъ особенностямъ Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ въ ихъ религіозномъ развитіи. Изслѣдованіе различныхъ решеній этого вопроса дѣйствительно показываетъ, что расовые особенности оказываютъ влияніе на характеръ религій. Такъ, мы видѣли, что политеизмъ Хамитовъ совершенно иного характера, нежели политеизмъ Іафетитовъ. Нельзя, вмѣстѣ съ Раденхаузеномъ¹⁾, причину различія іафетитского политеизма отъ хамито-семитического полагать въ томъ, что Іафетиты жили въ холодно умѣренномъ климатѣ, а Хамиты и Семиты частію въ умѣренно-жаркомъ, частію въ жаркомъ. Индійцы, напримѣръ, жили подъ одними широтами съ Арабами и Египтянами, а между тѣмъ какое громадное различіе представляютъ религіи первыхъ отъ религіи двухъ послѣднихъ народовъ! Хотя, какъ мы видѣли, религія Индійцевъ значительно отли-

1) *Ysis. Der Mensch und die Welt* §§ 41, 42. S. 118—133.

чается отъ натуральныхъ религій другихъ іафетитскихъ народовъ¹), но въ общемъ, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ она похожа на нихъ и ее нельзя не признать за іафетитскую религію даже при поверхностномъ взглядѣ на нее. Иранъ лежитъ въ тѣхъ же широтахъ, что Сирія, а между тѣмъ характеръ религіи древнихъ Сирійцевъ совершенно не былъ похожъ на характеръ Иранской религіи.— Если же, такимъ образомъ, невозможно отвергать вліянія расовыхъ особенностей на религію, то несправедливы слова І. Мюллера²), будто излюбленный въ наше время пріемъ объяснять различія въ человѣческомъ родѣ изъ расовыхъ особенностей не устанавливается ни въ области общей культуры, ни, въ частности, въ сферѣ религіи, будто различіе въ религіяхъ зависитъ единственно отъ степени развитія народа, будто религіи народовъ, стоящихъ на одной и той же ступени развитія, представляютъ сходство не только въ общемъ, но и въ частностяхъ. Нѣть спора, — развитіе религіозныхъ представлений идетъ въ уровень съ общимъ развитіемъ народа: у дикарей религія иная, нежели у образованныхъ народовъ; если необразованный народъ принуждаются внѣшнею силою принять религію, не соотвѣтствующую его развитію, то онъ искаѣтъ ее. Но съ другой стороны, какъ весомнѣнно то, что культура не уничтожаетъ особенностей въ народномъ характерѣ, а напротивъ сама получаетъ окраску и даже направленіе отъ нихъ; какъ несомнѣнно то, что одинаковая степень культуры у разныхъ народовъ по характеру своему неодинакова,—характеръ культуры, напримѣръ, Англи-

¹) Нечего и говорить « томъ, что религія каждого народа имѣеть свой особенный огнечатокъ, потому что каждый народъ имѣеть свой характеръ ».

²) Realencyklopadiе von Herzog B. 12. Article „Polytheisme“.

чанъ иной, нежели Французовъ или Нѣмцевъ: такъ и религіи однаково развитыхъ народовъ носятъ отпечатокъ характера каждого изъ этихъ народовъ и никогда не будутъ похожи одна на другую. Между характеромъ народа съ одной стороны и характеромъ его культуры, въ частности, характеромъ его религіи съ другой находится постоянная и неизмѣнная зависимость. Но характеры расъ не менѣе, а даже болѣе отличаются другъ отъ друга, нежели характеръ одного народа въ одной и той же расѣ отъ характера другаго; поэтому — вполнѣ можно приложить и къ расамъ то, что мы сказали о народахъ. Что никакія вѣнчанія условія — ни климатъ, ни почва, ни общественная среда, ни воспитаніе, ни образованіе не могутъ передѣлать природнаго характера лица, народа, племени и расы; обѣ этомъ хорошо говоритъ Хвольсонъ. „Религія, климатъ, воспитаніе и общественное положеніе обусловливаютъ только одну форму, въ которой проявляется характеръ извѣстной личности, главнымъ же основаніемъ ея служить природный нравъ, который до извѣстной степени можетъ быть смягченъ и измѣненъ, но никоимъ образомъ не созданъ. Человѣкъ добродушный не сдѣлается злымъ, осмотрительный — легкомысленнымъ, твердый — не-постояннымъ, скупой — щедрымъ и т. д. Воспитаніе можетъ привить человѣку знанія, хорошія или дурные возврѣнія, мнѣнія и предразсудки, которые, конечно, не могутъ остаться безъ вліянія на образъ его дѣйствій, на природный его характеръ, природныя его наклонности. Возрастъ и воспитаніе, въ особенности религіозное, въ состояніи смягчить ту или другую черту характера и, нѣкоторымъ образомъ, измѣнить ее, но никоимъ образомъ не передѣлать... Характеръ человѣка столь же мало можетъ перемѣниться въ свою противоположность, какъ левъ въ

рыбу. Но народъ состоитъ изъ отдельныхъ особей, и поэтому нельзя отрицать, что каждый народъ имѣетъ свой особенный, болѣе или менѣе ясно определенный характеръ. Отдельный народъ есть ничто иное, какъ собирательная большая личность. Каждое племя, въ свою очередь, состоитъ изъ разныхъ народныхъ особей, и никто не станетъ оспаривать, что существуютъ известныя черты характера, общія цѣлымъ группамъ народовъ и цѣлымъ племенамъ¹). Въ подтвержденіе этихъ мыслей Хвольсонъ приводить множество примѣровъ изъ исторіи. Онъ указываетъ, напримѣръ, что Французы удержали въ своемъ характерѣ черты своихъ предковъ Галловъ, какъ ихъ описываетъ Юлій Цезарь, несмотря на то, что съ тѣхъ порь протекло около двухъ тысячъ лѣтъ и что нынѣшніе Французы по своему образованію такъ же отличаются отъ своихъ предковъ, какъ небо отъ земли. Онъ говоритъ, что современные Персы такие же лживые и религіозно-нетерпимые, какими были ихъ предки за 2500 лѣтъ тому назадъ.—Но если природный характеръ народа и расы, какой бы степени развитія они ни достигали, остается въ существенныхъ чертахъ неизмѣннымъ, то и религіи ихъ должны отличаться однѣми и тѣми же характеристическими особенностями, искоренить которыхъ не можетъ цивилизациѣ, такъ какъ, мы замѣтили, между общимъ характеромъ народа или расы и религіей ихъ существуетъ неизмѣнная зависимость. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что характеръ народа или расы имѣеть вліяніе на религію ихъ.

Но какъ далеко простирается это вліяніе? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить все наше сочиненіе.

¹) Русскій Вѣсти. 1872 г. Февр. стр. 431—2. Статья: Характеръ семитическихъ народовъ.

Ученые, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло, отвѣчаютъ на него различно. Ренанъ, напримѣръ, въ расовыхъ особенностяхъ находитъ причину не только специфического характера религіи извѣстной расы, но и самыхъ формъ, въ которыхъ религія проявляется. Семиты, по его мнѣнію, по природѣ монотеисты, а Арійцы по природѣ политеисты и пантегисты. Мы доказали несостоительность этого мнѣнія. М. Мюллеръ въ свойствѣ языковъ семитическихъ и арійскихъ находитъ не причину, а только содѣйствующее условіе къ тому, что Арійцы впадаютъ въ политеизмъ, а Семиты склонны были къ представлению о Богѣ, какъ національномъ, принадлежащемъ только имъ однимъ. Грау хотя и недопускаетъ врожденного расамъ инстинкта монотеистического или политеистического, но утверждаетъ, что характеръ энотеизма Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ былъ не одинаковъ и причину этого различія находитъ въ расовыхъ особенностяхъ этихъ трехъ группъ народовъ. Необходимымъ слѣдствиемъ этого различія было, по его мнѣнію, то, что Семиты (по крайней мѣрѣ часть ихъ) удостоились получить откровеніе отъ Бога и остались монотеистами, Іафетиты же и Хамиты сдѣлались политеистами. Такимъ образомъ и у Грау, хотя и посредственно и не такъ рѣзко, какъ у Ренана, причина политеизма однихъ народовъ и монотеизма другихъ полагается въ расовыхъ особенностяхъ. Мы видѣли, что причина по которой Израильянѣ получили откровеніе и вслѣдствіе того остались монотеистами дѣйствительно заключалась въ особенностяхъ ихъ семитического характера; но особенности характера Арійцевъ мы могли признать только за второстепенную причину или за содѣйствующее условіе ихъ политеизма. Съ мнѣніемъ Грау и Рѣншта, что политеизмъ Арійцевъ былъ иного характера, нежели

политизъ Хамитовъ, вполнѣ можно согласиться. Рёнтишъ, подобно Грау, основаніе, почему откровеніе дано Еврейскому народу, находить въ нѣкоторыхъ особенностяхъ семитического характера этого народа. Но Грау придаетъ болѣе значенія, нежели Рёнтишъ, семитическому характеру Израиля въ дѣлѣ сохраненія имъ истинной монотеистической религіи.

Насколько научны, основательны и правдоподобны всѣ эти мнѣнія, сущность которыхъ мы сейчасъ изложили? Сказавши во введеніи о новости и трудности вопроса, послужившаго предметомъ нашего труда, мы уже имѣли случай замѣтить, что сущность этого вопроса и самое состояніе его въ современной наукѣ таковы, что относящіяся сюда ученія работы не могутъ быть удовлетворительны, что о широкихъ обобщеніяхъ и о прочныхъ научныхъ выводахъ здѣсь еще нельзя думать, что не установлены еще сколько-нибудь твердые принципы для изслѣдованія этого вопроса и проч. Разборъ мнѣній Ренана, Грау и другихъ ученыхъ авторитетовъ убѣждаетъ насъ въ справедливости этихъ мыслей. Изъ разобранныхъ нами мнѣній наибольшою научностію отличается мнѣніе М. Мюллера. Но, къ сожалѣнію, оно вращается въ одной частной сферѣ языковѣдѣнія, между тѣмъ какъ изслѣдованный нами предметъ корни свои имѣть во многихъ другихъ областяхъ науки и не можетъ быть решенъ полно и основательно при средствахъ какой нибудь одной науки. Малонаучность разобранныхъ нами мнѣній другихъ ученыхъ замѣтна даже и при поверхностномъ взглядѣ. Ни Ренанъ, ни Грау, ни Рёнтишъ, какъ мы видѣли, не могли научно и полно опредѣлить первоначальныя причины тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ хамитическую, семитическую и іафетитскую расы одну отъ другой, хотя они и пытались это сдѣлать. Въ сложившемся характерѣ

расы они не отдѣляютъ первичныхъ основъ отъ второстепенныхъ и производныхъ элементовъ, отчего проходитъ большая путаница, такъ что причина признается за слѣдствіе, а слѣдствіе за причину. Да-лѣе, хотя они изображаютъ болѣе или менѣе удачно характеръ расы и характеръ религій народовъ этихъ расы, хотя они и утверждаютъ, что между характеромъ расы и особенностями религій ея существуетъ зависимость; но въ большинствѣ случаевъ они не могутъ точно и ясно опредѣлить эту зависимость: большою частію они не могутъ опредѣлить, въ какой именно особенности характера расы лежитъ основаніе той или иной характеристической черты религій ея.

Вотъ въ общихъ чертахъ характеристика современного состоянія изслѣдовавшаго нами вопроса. Вотъ что сдѣлано по этому вопросу и чего не сдѣлано. Сдѣлано мало, не сдѣлано или не додѣлано многое. Вообще твердой постановки и широкой разработки этого вопроса и вполнѣ научныхъ рѣшеній его нужно ожидать въ будущемъ.

Съ своей стороны мы стремились объективно изобразить состояніе вопроса въ современной литературѣ, для чего довольно подробно излагали болѣе важныя мнѣнія ученыхъ о характерѣ расы, о характерѣ ихъ религій и о взаимодѣйствіи того и другого. Мы старались не опустить при этомъ ни одной сколько нибудь важной черты, сколько нибудь значительного взгляда, доказательства или факта. Мы старались также показать влияніе одного писателя на другаго и вообще ихъ взаимоотношеніе. Съ другой стороны, подвергнувши критическому разбору существующія по нашему вопросу мнѣнія, мы старались вывести и опредѣлить пріемы для наиболѣшаго при настоящемъ состояніи науки рѣшенія этого вопроса, причемъ указывали на достоинства и недостатки этихъ

мнѣній; указывали на тѣ научныя требованія, которыя въ нихъ не были выполнены; указывали на нелогичность выводовъ, на неполноту доказательствъ, на односторонность, преувеличенія и пристрастіе и прочие недостатки мнѣній, наконецъ, сами, сколько доставало средствъ и возможности, пополняли замѣченные пробѣлы, решали тотъ или другой спорный вопросъ и проч.

Наконецъ, показавши несостоятельность и ненаучность рѣшенія нашего вопроса, какое дается ему съ пантейстическо-натуралистической точки зрења, мы имѣли цѣлую защитить тѣ соприосновенныя съ этимъ вопросомъ христіанскія истины, которая подвергаются нападеніямъ со стороны невѣрующихъ ученыхъ. Именно: мы опровергли мнѣніе одного изъ представителей этого направленія, Ренана, о монотеистическомъ инстинкѣ Семитовъ, и чрезъ это защитили ту истину, что ветхозавѣтная религія іудейская не есть религія естественная, а Богооткровенная. Мы опровергли также мнѣніе Ренана о томъ, будто Арийцы по своей природѣ должны были быть политеистами на низшихъ ступеняхъ своего развитія и должны оставаться пантейстами на высшихъ. Это опроверженіе дало намъ случай защитить библейское ученіе о томъ, что монотеизмъ или, правильнѣе, теизмъ былъ первоначальной религіей человѣчества и предшествовалъ политеизму;—о томъ, что причина политеизма заключается въ разстройствѣ природы человѣка, которое произвѣлъ въ ней грѣхъ; — о томъ наконецъ, что монотеистическая религія—христіанство есть религія универсальная, которую могутъ и должны принять всѣ народы; потому что всѣ люди, къ какой бы расѣ они ни принадлежали и какого бы высокаго развитія они ни достигли, нуждаются въ ней для своего совершенствованія, благоденствія, процвѣтанія, а безъ

ней, напротивъ, они неизбѣжно рано или поздно должны погибнуть нравственно, упастъ съ высоты цивилизованной жизни, впастъ въ варварство, какъ бы ни были благопріятны внутреннія и виѣшнія условія для ихъ развитія и цивилизаціи. Поэтому арійские народы, принявши христіанство, не должны оставлять христіанство, не должны думать, что они достигли такой степени развитія, при которой будто бы христіанство является чѣмъ-то отсталымъ; не должны вѣрить Ренану и ему подобнымъ мыслителямъ, будто христіанство препятствуетъ естественному развитію богатыхъ природныхъ способностей Арийцевъ, будто оно можетъ и должно быть замѣнено философіей, искусствомъ, религіей гуманизма,—не должны вѣрить потому, что и философія съ наукой, и искусство, естественная нравственность, и вообще все, что посредствомъ природныхъ способностей человѣкъ можетъ сдѣлать хорошаго, свое освященіе, свою истинную цѣль и цѣну можетъ получить только въ истинной религіи, въ христіанствѣ. Наконецъ разсмотрѣніе исторіи и характера религіи Арабовъ и характера и сущности религій Арийцевъ привели насъ къ тому важному результату, что религія не можетъ сохраниться неискаженной и истинной, если она отрывается отъ почвы откровенного ученія и что естественные религіи, созданныя геніемъ народовъ, какъ бы ни была велика творческая сила этого генія, не могутъ быть истинными и долговѣчными, не могутъ спасти цивилизацію народа отъ паденія, а народъ отъ погибели, и должны быть замѣнены религіей богооткровенной, христіанствомъ. Вотъ апологетические результаты нашего труда.

А. Бѣляевъ.